Е. Шанов „Негромкий вечер" кн. 2.

(начало)

Увозят из цеха,
Мастера космонавтам
Желают успеха.
Ветер пылью швыряет
И кварцем колючим.
Проплывают по рельсам
Цистерны с горючим.
А вверху, у антенн,
На монтажных площадках
Инженеры, рабочие —
В белых перчатках.
...Озарен небосклон,
Как пожаром, закатом.
Ярко рдеет звезда —
Мироздания атом.
Операторы Центра —
У телеэкрана.
Доложил, что готов,
Экипаж звездоплана.
Покоряли отцы
Океаны и горы.
Сыновья покоряют
Вселенной просторы.
Низвергает ракета
Сноп пламени ало,
Будто солнце второе,
Она засияла.
Те, кто в космос влюблен,
Те, кто знал Королева,
Обращаются памятью
К Главному снова.
Стартом в звездную высь —
Как полетам в грядущее —
Отдают вдохновение
Следом идущие.

Егор ИВАНОВ
НЕГРОМКИЙ
ВЫСТРЕЛ
Роман-хроника

КНИГА ВТОРАЯ

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

ПРОЛОГ

Куранты на колокольне собора святых апостолов Петра и Павла отзванивали такты гимна «Коль славен» в первые дни 1914 года так же уныло, как и все полтораста лет своего существования. Северному «Городу святого Петра» — Санкт-Питер-бурху, Санкт-Петербургу — оставались последние полгода мирной жизни под сенью крыл двуглавого орла.

Поднятая по воле Петра Великого из ржавых болот, столица утвердилась гранитами дворцов и набережных, перетянула жгутами мостов артерии рек и каналов, широко раскинула во все стороны черные линии железных дорог, серые ленты шоссе, тонкие проволоки телеграфа.

Кости сотен тысяч «мужичков» и «работных людишек», сраженных болотной лихорадкой, холодом, голодом и нищетой, словно гати, стали фундаментом для дворцов, банков, страховых обществ и промышленных компаний. Распахнутыми пастями банковских сейфов всосал Петербург перелитый в золото трудовой пот наемных рабов и слезы обездоленных всей империи. Тысячами зримых и невидимых нитей связал он себя с финансовыми, промышленными и политическими центрами Европы — Парижем, Лондоном, Берлином.

Там, где Александр Невский отстоял русскую землю от захватчиков-шведов, там, куда пытался ступить Иван Грозный, да оскользнулся, толкаемый соседями, за спинами которых маячила фигура коварного Альбиона, выросла новая метрополия. К ней долго не могла привыкнуть Россия, ибо Петербург был только маленькой холодной головой огромной империи, но не ее сердцем.

Талант великих зодчих, сияние гениев русской культуры, творивших архитектуру, музыку, литературу и науку на берегах Невы, придали большому красивому телу столицы трепетание жизни и души.

Гнет самодержавия, крепостничество и леденящая чи-

Первая книга романа Егора Иванова «Негромкий выстрел» опубликована в № 12 журнала «Молодая гвардия» за 1977 год.

новная мертвечина сделали Санкт-Петербург исчадием зла. Пожар пугачевского восстания, свободомыслие Радищева и каре полков на Сенатской площади 14 декабря 1825 года были ему ответами. Святая ненависть к казенному Петербургу вспыхивала огнем от выстрела на Черной речке февральским утром 1837 года, звенела набатом герценовского «Колокола», гремела взрывом Степана Халтурина.

Стремительное развитие капитализма в евроазиатской империи, и прежде всего в ее столице, превратило Петербург в арену борьбы, в которой рос, развивался и мужал пролетариат. Как полярный империализму самодержавного Петербурга здесь начался и стал бурно протекать процесс соединения научного социализма с российским рабочим движением. Молодой Ульянов противопоставил силам зла гений революционера. Ленинский петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а затем Российская социал-демократическая рабочая партия, партия большевиков, во главе которой встал Ленин, пошли на штурм старого мира.

...После грозного вала революции 1905 года истекло не так много невской воды. В начале 1914-го Санкт-Петербург был вновь чреват революцией. Забастовки рабочих сотрясали столицу. Грозно гудели рабочие окраины Питера. Большевики готовили рабочий класс к решительному бою с капитализмом.

Буржуазия тоже готовилась. Банкиры и фабриканты, купцы и промышленники ждали момента, чтобы разделить власть с самодержавием, а может быть, и выхватить ее целиком из рук царя. Рябушинские, путиловы, коноваловы и терещенки готовились к решающим схваткам и со своим главным противником — пролетариатом. Они надеялись задушить рабочее недовольство костлявой рукой голода, забить его нагайками казаков и полиции, расстрелять пулями из солдатских винтовок.

Петербург был наполнен до краев самодовольством и ненавистью, богатством и нищетой.

Когда в клубах тумана или потоках дождя колыхались линии улиц и вертикали домов города святого Петра, казалось, что шевелятся в болотных трясинах, ворочая фундаменты, те загубленные его строители, которые отдали Петербургу свой труд и самую жизнь. Гнев народа сотрясал столицу, словно землетрясение перед извержением вулкана.

Часы на колокольне Петропавловского собора уныло отзванивали над Санкт-Петербургом такты гимна «Коль славен»...

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

По заснеженному Большому проспекту, насквозь продуваемому колючей поземкой с Финского залива, Анастасия спешила к шестому номеру трамвая, что останавливается у Николаевского моста.

Стоять на ветру почти не пришлось. Подошел новый, блестевший красными лакированными боками вагон с прицепом, и Настя легко поднялась на три высокие ступеньки.

Трамвай катил по знакомому маршруту, которым она всегда в дурную или холодную погоду добиралсь до консерватории. Анастасия почти не чувствовала минувшей осенью и нынешней зимой непогоды и холодов. После того как Алексей на Стрелке Елагина острова признался ей в любви и просил ее руки, Настя не могла найти покоя. Много ночей она провела без сна, до головной боли задумывалась о своей судьбе, порывалась все рассказать маме, но останавливала себя, зная наперед, что суровые и трезвые родители будут против неравного, как они сочтут, брака дочери фабричного машиниста с полковником Генерального штаба.

Мерное покачивание трамвая, неспешная праздничная манера вагоновожатого подолгу стоять на остановках, редкое треньканье звонков и замерзшие окна располагали к размышлениям. Настя вспомнила, как в такой же морозный зимний день она впервые увидела в Михайловском манеже лихого гусара на красивой лошади. Вспомнила, как поразила тогда всех его смелость и находчивость у самого опасного барьера.

Взгляд, который гусар после этого бросил на трибуны, встретился с глазами Анастасии.

Победитель конкур-иппика долго не мог найти Настю, и только случай снова свел их. Но образ гусара, смелого, решительного, красивого былинной доброй красотой, сразу разбередил девичье сердце.

«Как жаль, что он стал теперь полковником Генерального штаба! — подумалось Анастасии. — Мама, наверное, легче смирилась бы с женихом — провинциальным гусарским ротмистром, чем с нынешним петербургским офицером...»

Вагон сделал остановку на Театральной площади и покатил по улице Глинки. Услышав объявление кондуктора, Настя дернулась по привычке, намереваясь выйти у консерватории, но вспомнила, что сегодня ей надо ехать дальше. Ход мыслей сразу стал тревожным и беспокойным.

Причина на то была. Анастасия давно, с самого первого года учебы в консерватории, симпатизировала революционерам — социал-демократам и особенно большевистскому их направлению. Девушка выполняла несложные поручения партийных товарищей, принимала участие в сходках, маевках, читала нелегальные газеты и брошюры... Теперь она ехала по вызову руководителя одной из подпольных большевистских организаций Василия на квартиру, где он жил по чужому паспорту. Насте доверили небольшой транспорт нелегальной литературы, который прибыл из-за границы через Финляндию.

Уже несколько раз Анастасия получала на хранение и для последующей передачи товарищам по особому паролю стопки партийных книг и брошюр, за одно только чтение которых по законам империи полагалось несколько лет тюрьмы. Настя прекрасно представляла себе, что если охранке станет известно место хранения этого «взрывчатого» материала, то опасность угрожает не только ей, но и отцу.

Анастасия хорошо знала, что отец, справедливый и честный человек, хороший механик, не симпатизировал бунтам и беспорядкам. Но он никогда не был штрейкбрехером и не единожды бросал работу вместе с забастовщиками, когда рабочие выступали по призыву стачечного комитета.

На всякий случай девушка не рассказывала отцу о том, что частенько на дне ее сундучка, под аккуратно сложенным бельем хранится нелегальщина. Она это делала вовсе не потому, что не доверяла ему, а оттого, что в случае обыска и ареста собиралась принять всю вину только на себя и умолить жандармов не забирать еще и отца от матери.

Иногда Настя понимала, что рассуждает наивно, что злобные ищейки из охранки все равно никаких объяснений не пожелают слушать... Но девушка смело шла навстречу опасности и всегда просила Василия дать ей поручение посложнее, лишь бы скорее совершилась революция. Видя ее нетерпение и горячность, молодой задор

и храбрость, товарищи по организации большевиков только посмеивались, но трудных и опасных дел не поручали, оберегая Настю и исподволь обучая ее приемам конспирации...

Трамвай прогромыхал по мосту через Екатерининский канал, и мысли Анастасии переключились на новый предмет.

Как отнесутся к ее замужеству товарищи по партийному кружку, друзья по рабочим и студенческим сходкам? Не сочтут ли ее свадьбу с полковником изменой революции, которой они все посвятили себя? Не оценят ли начало ее семейной жизни как желание уйти от полной опасностей и борьбы судьбы революционера в мир буржуазных удобств и обеспеченного существования?.. Когда гремела революция 1905 года, на фабрику хозяин вызывал эскадрон кавалергардов для наведения порядка. Командир расположился в конторе как у себя дома, а гвардейцы перепороли шомполами всех, кого фабрикант назвал причастными к стачечному комитету... А теперь она любит офицера, полковника!.. Может быть, и он был карателем? Нет! Нет! Он не мог! Он никогда не говорил об этом, и не может этого быть! А что, если товарищи будут о нем так думать?! Надо непременно выяснить у Алексея, что он делал в те годы... Ах да! Кажется, он что-то говорил... Слава богу, он проходил тогда курс в Академии Генерального штаба! Конечно, он никак не мог участвовать в расправах армии с рабочими и крестьянами... Он не такой человек!..

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Льдистый рассвет крещенского дня застал Генерального штаба полковника Алексея Соколова уже на пути в Зимний дворец. Третий год подряд государь император Николай Александрович во избежание летней эпидемии холеры повелевал устраивать Иордань на Неве, напротив Зимнего, с крестным ходом, освящением знамен гвардейских частей и парадным завтраком в Помпеевской галерее и Малахитовом зале для приглашенных господ офицеров, сановников империи и дипломатического корпуса.

Соколову, в обязанности которого по службе в отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба входили контакты с иностранными военными агентами при императорском дворе, надобно было чуть раньше всех осталь-

ных гостей прибыть во дворец, дабы сверить с церемониймейстером порядок расстановки его подопечных в Пикетном зале и галерее, уточнить все детали дипломатического и дворцового протокола.

Зимний дворец сиял огнями. В блистании ярких электрических ламп в подъезде толпились швейцары в красных ливрейных шинелях, с золотыми булавами в руках. Лакеи в расшитых золотом красных фраках еще проходили по мягкому, пушистому ковру, устилавшему лестницу, и лили из больших бутылок на раскаленные чугунные совки придворные духи, источавшие какой-то особый, присущий только Зимнему дворцу тонкий аромат.

Соколов слышал, что одной штатной прислуги в Зимнем дворце насчитывалось около пяти тысяч человек, проживавших по дворцовым каморкам и подвалам и столовавшихся здесь же по третьему разряду, но он впервые видел их муравьиное хлопотанье и лакейское пренебрежение к тем, кто не носил свитских царских вензелей на погонах.

Он достиг зала, назначенного для дипломатов и военных атташе, и почти сразу увидел церемониймейстера, вышедшего из внутренних покоев дворца.

Церемониймейстер оказался генерал-майором графом Постицем, начинавшим когда-то службу в кавалергардском полку, а затем служившим по Генштабу и бывшим даже, как знал Соколов, военным агентом во Франции. Особых заслуг он, впрочем, не имел, а прославился своей бестолковостью и красавицей женой, которую он отбил у какого-то американского миллионера. Два генштабиста сразу же нашли общий язык, и Соколов смог не только уточнить свои задачи, но и порасспросить графа о предстоящем торжестве.

Между тем ко всем четырем подъездам Зимнего дворца — Иорданскому, Салтыковскому, ее величества и Комендантскому — стали прибывать гости.

Толчея раздевающихся офицеров, тонкий запах духов, меха, кружева, шелк и охорашивающиеся, поправляющие прически дамы — все это отражалось в громадных зеркалах, закипало водоворотами у лестниц, ведущих на второй этаж, туда, где зеленели пальмы и лавры, специально свезенные во дворец для крещенского приема из оранжерей всего Петербурга.

Соколов вернулся на верхнюю площадку Иорданской лестницы, чтобы встречать здесь своих подопечных — во-

енных агентов, — и залюбовался отсюда видом широкой беломраморной лестницы. По ней во всю ширь поднимался пестрый поток гостей российского императора, сверкая золотом шитья и драгоценностями в лучах яркого электрического света. Блеск Византии и фантазии Шахразады меркли перед этим сонмом богатства.

По мере того как проходило изумление, у полковника возникали иные, более трезвые мысли.

«Сколько же нужно было медных мужицких и рабочих грошей, чтобы воссияли весь этот блеск и роскошь?!» — подумалось ему. Он повел головой, отгоняя печальные мысли, и тут же боковым зрением увидел нового британского военного агента — майора Альфреда Нокса. Ярко-красный мундир королевской гвардии гармонировал с ежиком седых волос и седыми усами поджарого джентльмена.

Соколов еще не был представлен Ноксу и не стал по этой причине приветствовать коллегу-разведчика.

Нокс впервые попал в Зимний дворец. Невиданные красота и богатство поражали его. Он не ожидал увидеть в этой варварской России столь дивные произведения искусства, которые открывались теперь его взору. Громадные вазы из полупрозрачных сибирских камней — ляпис-лазури и орлеца, статуи работы великих мастеров итальянского Возрождения затмевали собой ту роскошь, которой он восхищался, бывая в Букингемском дворце английских королей или резиденциях самых первых семей Британии.

«О! Какая же это богатая страна! — поражался британский военный агент. — Этого колосса будет трудно свалить в грядущей войне! Придется опять нам помогать Срединным державам...»

Наконец майор Нокс добрался до Николаевского зала, откуда было назначено любоваться обрядом водосвятия дипломатам и их семьям. Нокс раскланялся от дверей со знакомыми и повернул к одному из окон, подле которого было чуть свободнее, чем у других.

В голубизне неба сияло холодное зимнее солнце, под бризом полоскались на дворцах трехцветные российские флаги, шпалеры войск недвижимо стояли на морозе и ветре вдоль набережной.

Нокс опять подумал, насколько все здесь было непохоже на его столицу, хотя Лондон тоже вырос вокруг реки. Эта мысль унесла его сразу очень далеко — в род-

ную Британию, где сейчас, как летом, зеленеют газоны под низким, набухшим влагой зимним небом. Майор вспомнил, как перед отъездом в Петербург он по совету премьера Асквита побывал с визитом у военно-морского министра сэра Уинстона Черчилля. Эта встреча в малейших деталях запомнилась Ноксу и теперь снова встала у него перед глазами.

ЛОНДОН, ДЕКАБРЬ 1913 ГОДА

Военно-морской министр принял майора Нокса в своем высоком и темном кабинете в здании Адмиралтейства. Энергичный и непоседливый Черчилль буквально вскочил с кресла, когда будущий военный агент в России появился на пороге. За его спиной от движения воздуха заколебалась огромная карта Северного моря, вся утыканная разноцветными флажками, отмечавшими положение кораблей британского и германского флотов. В военных кругах по поводу этой карты поговаривали, что сэр Уинстон постоянно проводил подле нее совещания, стараясь привить адмиралам британского флота, избалованным долгими годами мира, чувство «постоянно присутствующей опасности».

Первый лорд Адмиралтейства и майор встретились на середине кабинета и дружески, но по-английски сдержанно пожали друг другу руки. Черчилль повел его не к карте, а к покойным кожаным диванам у камина в другом конце зала. Нокс понял, что беседа будет неформальной и долгой.

— Я привык всегда брать быка за рога! — похвалился военно-морской министр и, прикурив сигару, произнес: — Наш главный противник вовсе не Германия, а... Россия!

Майор вопросительно поднял бровь. Он в принципе знал это с самого начала своей военной карьеры, но в последнее время слышал из официальных уст совсем другое и хотел теперь пояснений.

— Да! Да! Да! — энергично подтвердил Черчилль. — Со времени Ивана Грозного интересы России вступили в противоречие с глобальными интересами нашей империи! Как только эти азиатские дикари начали создавать государственность и объединять вокруг себя славянские и неславянские народы, они перебежали дорогу нашим купцам, которым до той поры было очень удобно и выгодно торговать с ними порознь. Большую опасность для

Англии русские стали представлять, когда они устремились на Восток, колонизируя племена, жившие за Уралом и неся им хоть и примитивную, но европейскую культуру. И уж совершенно нетерпимое положение сложилось, когда Россия вышла к Тихому океану, произвела разграничение с Китаем и вступила в пределы Средней Азии!

Нокс хорошо знал эту азбуку британской политики и ждал более подробных тезисов. Сутуловатый, с опущенными плечами, Черчилль пришел в такое возбуждение, что поднялся с дивана и принялся расхаживать перед камином, изредка попыхивая «гаваной».

Германия, говорил он, стала приобретать черты врага лишь тогда, когда при Бисмарке принялась бурно объединяться и развивать промышленность. Строительство флота, необходимое в первую очередь для германских имперских интересов, показало, что Вильгельм II и его советники разбираются в политике.

Военно-морской министр Великобритании признал все же, что германский флот хотя и стал представлять определенную угрозу Британии, но, в сущности, еще не вырос из пеленок.

Гораздо опаснее, чем германская промышленность и ее любимое детище — военно-морской флот, стремление российских политиков, торговцев, военных в Персию. Русские в Персии не только конкурируют с ткачами Манчестера и механиками Лидса, но и нацелились на железнодорожное строительство, ведущее к воротам Индии!

— Возникает прямая угроза жемчужине нашей короны! — патетически воскликнул министр и стряхнул пепел сигары в огонь. — К тому же русские слишком прямолинейно истолковали договор 1907 года о разделе Персии на сферы влияния, и консулы, назначенные из Петербурга, стали быстрыми темпами русифицировать свою зону... Они приблизились вплотную к нейтральной, промежуточной сфере...

— Признаюсь, я не слышал ничего о русской железной дороге к Индии, сэр! — слукавил майор. Он, разумеется, знал об этих планах, но хотел послушать оценку молодого министра.

— Помимо стремления Германии построить железную дорогу к Багдаду и тем самым проникнуть к нефтяным центрам, а затем сомкнуться с русскими железными дорогами на Кавказе, — принялся пояснять сэр Уин-

стон, — существуют планы русского правительства и капитала о Трансперсидской железной дороге, которая, соединяя российскую и индийскую железнодорожные сети, служила бы транзитным путем между Европой, Индией и Австрало-Азией. Трудно переоценить эдакие мысли! Ведь по железной дороге можно везти не только товары и сырье, но и войска...

А главное даже не железная дорога... — подчеркнул Черчилль. — Планы строительства всегда можно утопить в песке персидских пустынь. Вызывает опасения большой размах и широта действий России в северной части Персии, где у нее несколько тысяч подданных и покровительствуемые племена и где торговля и сбор налогов всецело в ее руках.

Я боюсь, что ход событий в северной Персии может привести к роковому для англо-русского согласия положению, — с нажимом продолжал военно-морской министр. — Хотя мы и наталкиваемся на быстро растущее сопротивление немецкого крепыша, но оно не столь чувствительно, как казаки на пороге Индии...

— Припоминаю, сэр, что когда казацкие части под командованием какого-то русского генерала столетие назад отправились по наущению Бонапарта искать дорогу в Индию через Среднюю Азию, то послу его величества в Петербурге пришлось организовать заговор, убравший со сцены императора Павла Первого, — вставил наконец свое слово майор-разведчик и добавил одобрительно: — Британский посол полностью владел тогда обстановкой, сэр!

— Вот именно, — откликнулся Черчилль. — Сэр Джордж Бьюкенен, в тесном контакте с которым вам предстоит служить, майор, уже завязал неплохие связи в окружении русского императора. Даже великий князь Николай Михайлович, весьма просвещенный и цивилизованный боярин, почти джентльмен, симпатизирует нашему послу. Он поставляет ему весьма ценную информацию из самых высоких российских сфер, делая это, конечно же, совершенно бескорыстно...

— Деятели такого масштаба деньгами не берут, сэр! — с военной прямолинейностью подтвердил Нокс. — Им подавай влияние и политическую помощь в их комбинациях в борьбе за власть.

— Мы с вами подошли как раз к той теме, в которую я вас хотел ввести, — уточнил Черчилль и уселся на ди-

ван. Первый лорд закурил новую сигару. — Кабинету его величества известно, что в высших сферах России нет полного единства, — раздумчиво начал Черчилль. — Например, мало кто из близко стоящих к трону симпатизирует царице. Императрица Аликс, хотя и весьма близка по своему воспитанию как внучка королевы Виктории английским интересам, в последние годы все больше склоняется к ложным идеям укрепления царской власти, или, как это называют в России, самодержавия...

Черчилль фыркнул презрительно.

— Между тем, воспитанная в Англии, она могла бы понять, что власть становится значительно крепче, если ее обставить демократическими институтами, как это делаем мы. Но Аликс и Николай держат себя просто вызывающе по отношению к даже столь жалкому подобию парламента, каким является Государственная дума... Так вот, мой дорогой Нокс, одна из ваших главных задач — нащупать и опереться на те слои, которые готовы совладать с упрямством Николая, изолировать людей, кто разделяет его пагубные идеи наступления на жизненные центры Британской империи на Среднем Востоке и в Азии.

— Я понял, сэр, — отозвался Нокс, — я должен найти новых офицеров русской гвардии, которые будут готовы придушить царя и царицу, повернув руль корабля против Германии...

— Вы слишком прямолинейно излагаете свои мысли, майор, — чуть поморщился сэр Уинстон. — В двадцатом веке необязательно протыкать императора шпагой, достаточно ограничить его власть конституцией или парламентом, наконец, законами, благоприятными для самых деятельных сословий общества — промышленников и купцов.

— Как я понимаю, сэр, если удастся заменить на российском троне императора Николая на одного из двух великих князей Николаев, то наши задачи будут решены? — уточнил Нокс.

— Отнюдь нет! — живо ответил министр. — Любое лицо на русском троне может пойти по наезженной колее политики, приносящей выгоды России. Наша задача — изменить направление колеи... Мы должны привести Россию к лобовому столкновению с Германией.

— Понимаю... — протянул майор, поглаживая усы. — Тем самым мы продолжим святую имперскую традицию — сталкивать между собой наших сильнейших врагов еще

до того, как они сумеют объединиться и нанести нам урон...

— Да, сэр Альфред, — ласково назвал собеседника по имени Черчилль. Это свидетельствовало о высокой степени его дружеского расположения. — Мы подошли к вашей второй задаче. Действительно, столкнуть наших двух злейших врагов — Германию и Россию, которые, если объединятся, могут нанести неисчислимый вред империи, — благородная задача. Наша дипломатия работает над ней не один год. Ради этого мы пока на словах отказываемся от традиционной догмы английской дипломатии о неделимости Турции. Пока и на словах! — поднял палец свободной правой руки Черчилль.

— Да, сэр, — согласился Нокс. — Теперь я понимаю, почему в Петербург был назначен посол Бьюкенен... Видимо, потому, что он служил послом его величества в Софии и имел опыт интриг вокруг знаменитой «пороховой бочки Европы» на Балканах!

— Воистину так, майор, — согласился первый лорд Адмиралтейства. — Именно на Балканах традиционно сталкивались интересы пангерманизма и панславянства. Нигде лучше нельзя было столкнуть русских с германцами и австрийцами, к тому же если туда пустить такого закоренелого «ангелочка мира», как сэр Эдуард Грей, министр иностранных дел его величества! Ха-ха-ха! — рассмеялся Черчилль, который немало завидовал посту, который занимал Грей, но на людях всегда с показным добродушием подтрунивал над сэром Эдуардом.

— Я вам очень благодарен, сэр, что вы столь живо раскрыли мне суть задач британского военного агента в Петербурге... — склонил голову с пробором в седых волосах перед молодым министром Нокс.

— Не стоит благодарности, майор... — прервал излияние старого служаки первый лорд Адмиралтейства. — Что касается флота и его задач, то имейте в виду, что у русских очень сильны морские инженеры и они при известной слабости своей промышленности компенсируют ее недостатки весьма прогрессивными конструктивными решениями. Не недооценивайте их и старайтесь как можно больше почерпнуть у них новых технических идей, которые сумеет воплотить под «Юнион Джеком» * британская промышленность. А теперь, сэр, все-таки подойдем к карте! — предложил он.

* Так называется в английском флоте имперский флаг.

Джентльмены приблизились к огромному полотнищу. Военно-морской министр стал действовать сигарой, словно указкой. Казалось, что не сигарный дым наполнил просторы Северного моря на карте, но задымили трубы крейсеров и броненосцев, линейных кораблей и прочих более мелких посудин, силуэты которых заполнили карту от края до края.

— Я перевел британский флот с угля на нефть не для того, чтобы отдать ближневосточные нефтяные богатства Германии и России, — с угрозой выдохнул дым сигары Черчилль. — От этого наш флот обрел новые скорости и боевые качества, новый радиус действия, ибо быстрее и проще бункероваться нефтью, чем углем.

Посмотрите на Скапа-Флоу *... На карте не хватает места для всех кораблей, которыми командует адмирал Джеллико. Они все ходят на нефти. Нефть, между прочим, есть и в России, и она тоже годится для нашего флота и промышленности. Это прекрасная легкая кавказская нефть. Сейчас ею владеют через подставных Нобелей французские Ротшильды, но уже идут переговоры о продаже их контрольного пакета акций англо-голландской компании «Шелл», где главенствует джентльмен из Сити — сэр Генри Детердинг. Ваша третья задача, майор, — обеспечить быстрый переход акций Ротшильдов и Нобелей в портфель сэра Генри. Это не только в высшей степени патриотическая задача обеспечения нашего флота и промышленных нужд. Помогая сэру Детердингу, вы закладываете фундамент своего будущего...

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Видения декабрьского Лондона и Темзы, столь непохожей на заснеженную Неву, еще проносились в памяти майора Нокса, когда к нему подошел французский военный агент маркиз де Ля-Гиш в сопровождении полковника в черном мундире Генерального штаба. Де Ля-Гиш представил коллеге Алексея Соколова, которого он назвал «директором австро-венгерского бюро» генерал-квартирмейстера. Нокс прекрасно знал структуру российского Генерального штаба и слышал еще в Лондоне об удачливом русском разведчике, который ведал Австро-Венгрию и Балканы.

* Главная военно-морская база Великобритании на Оркнейских островах (северо-восточнее Шотландии), там, где сливаются воды Северного моря и Атлантического океана.

Соколов пожал протянутую руку офицера союзной армии со смешанным чувством необходимости и неудовольствия. Он знал из докладов жандармских офицеров в войсках, что британский майор сует свой нос повсюду, но при этом не отличается дружелюбием к армии, в которой он представляет своего короля. Вот и сейчас Нокс постарался найти довольно болезненную для обсуждения в Зимнем дворце тему, а именно — как будет даваться салют.

— Не выйдет ли нынче при залпе несчастья, как в 1905 году? — обратился английский офицер к русскому полковнику.

Де Ля-Гиш слышал тоже об этом эпизоде, когда по недосмотру военного начальства в числе солдат гвардейской конной артиллерии оказались злоумышленники. Они зарядили одно из орудий батареи, стоявшей на Стрелке Васильевского острова у Биржи, не холостым — для салюта — снарядом, а боевой шрапнелью. Однако прицел был взят неточно, было разбито несколько окон в Зимнем дворце, убит городовой и ранен солдат.

Охранка так и не смогла раскрыть виновников происшествия, военная жандармерия наказала всех солдат батареи, а государь император после этого случая много лет не присутствовал на водосвятии на Неве. Лишь когда среди населения Санкт-Петербурга пошли толки, что отсутствие царя на Иордани будет причиной тяжких бедствий и действительно в столице вспыхнула страшная эпидемия холеры, Николай вновь решил принять участие в водосвятии.

Именно на этот инцидент бестактно намекал майор Нокс, но Соколов мгновенно нашелся, что ответить высокомерному бритту.

— На этот раз будет только русский порох, сэр, но не английская шрапнель, — парировал он, твердо глядя в нахальные глаза майора. Полковник имел в виду трудные переговоры о крупном заказе военного министерства на английские снаряды к русским трехдюймовым пушкам. Но получилось гораздо многозначительнее, с подтекстом о традициях британской дипломатии в отношении России. Де Ля-Гиш с удовольствием отметил про себя находчивость и смелость русского полковника.

Майор Нокс пожевал губами, силясь найти достойный ответ неробкому московиту, но вдруг где-то громко стукнули открывающиеся двери, послышался стук жезлов

церемониймейстеров о блестящий паркет. Обер-церемониймейстер важно проследовал вдоль зала, предваряя высочайший выход. Нокс, злобно сверкнув на Соколова глазами, но так и не найдя, что сказать в ответ, повернул от окна и стал протискиваться ближе к середине зала сквозь толпу дипломатов, военных и придворных, чтобы увидеть красочное шествие во всех деталях.

Соколов с высоты своего роста мог наблюдать процессию поверх голов иностранных гостей. Он не замедлил воспользоваться случаем в первый раз увидеть воочию всю женскую половину высочайшей семьи, за исключением императрицы Александры Федоровны. Царица по причине своих неврастенических наклонностей избегала публично появляться в свете.

Во главе шествия шла вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать государя императора. Миниатюрная, стройная и из-за этого казавшаяся значительно моложе своих 67 лет, она величественно выступала в белом атласном платье, отделанном серебряной парчой. Длинный шлейф наряда был оторочен таким пышным и темным соболем, что он казался почти что черным. Высокая бриллиантовая диадема искрилась в солнечном свете, падавшем из окон.

Позади вдовствующей императрицы следовала великая княгиня Мария Павловна — третья дама империи, вдова дяди царя, великого князя Владимира Александровича. Мария Павловна была широко известна в высших сферах как одержимая манией величия и желанием всюду затмевать Александру Федоровну. В отсутствие в Петербурге вдовствующей императрицы Марии Федоровны Мария Павловна всегда вела себя как самодержица всероссийская. Царица за это платила ей глухой ненавистью.

За ней шли сестры государя великие княгини Ксения и Ольга, великая княгиня Виктория Федоровна, супруга великого князя Кирилла Владимировича. Они были в платьях василькового бархата, к которому очень шли сапфиры с бриллиантами, украшавшие их уши, декольте и запястья.

Затем шествовали две великие княгини-сестры, так называемые «черногорки». Это были дочери короля Черногории Николая, выдавшего своих дочерей Анастасию и Милицу за русских великих князей... За ними по трое шли статс-дамы в оливковых придворных платьях и молодые фрейлины в бархатных платьях рубинового цвета.

Соколов, как и де Ля-Гиш, стоявший подле него, обратил внимание на то, что все платья были освященного традицией «русского» покроя: плотно облегавшие фигуру лифы с большими вырезами и без рукавов, отделанные жемчугами, широкие юбки с треном, накидки, отороченные соболями или бобрами, спадавшие с плеч на трен, тюлевые вуали, прикрепленные к русским кокошникам, которые были того же цвета, что и платье.

...Хвост процессии втиснулся в золотые двери в конце галереи, створки закрылись, и полушепот восхищения в зале сменился полноголосым разговором дипломатического корпуса, в котором зазвучали ноты удивления, зависти и критики.

«Вы видели бриллианты вдовствующей императрицы?» — «А вы видели изумруды великой княгини Ксении? Поразительно! Среди них был один величиной с кулак! И как она, бедняжка, только носит подобную тяжесть!..»

За двойными рамами окон на Неве послышался хор трубачей. Все общество оборотилось к огромным окнам, за которыми длинная вереница знаменщиков с офицерами-ассистентами несла знамена гвардейских полков. Затем раздался резкий звук труб. От дворца к Иордани направилась процессия во главе с государем императором. Духовенство в золотых ризах встретило Николая II на ступенях временного деревянного храма у проруби. Войска, свита и гражданские чины обнажили головы.

Государь по красному ковру сошел к воде, митрополит петербургский сопровождал его, неся большой золотой крест. Святой отец трижды окунул крест в прорубь, затем наполнил освященной водой кропильницу и в сопровождении государя прошел вдоль шеренги знамен, орошая их каплями святой воды. Торжественно гремели колокола на Петропавловском соборе, оркестр играл «Коль славен», но вдруг все звуки потонули в мощном пушечном салюте. Свита, к которой в этот момент вернулся царь, испуганно вобрала головы в плечи, но Иордань на этот раз сошла благополучно — шрапнели по царю и великим князьям не полетели.

Бывалые дипломаты, хорошо знавшие церемониал, столпились у средних дверей, которые все вдруг широко распахнулись, и церемониймейстер пригласил в зал, где для гостей императора был сервирован завтрак.

Столы для почетных гостей были накрыты вокруг рос-

кошных пальм, свезенных закутанными в войлок специально для этого случая из оранжерей Ботанического сада и Таврического дворца. Послы и министры с супругами, разведенные скороходами к своим местам, уютно устроились на стульях, в то время как прочая публика ринулась к огромному буфету, занимавшему весь конец зала.

Маленький секретарь китайского посольства буквально пролезал под рукой громадного офицера-кавалергарда к особенной серебряной вазе, в которой на льду стояли бутылки с шампанским удельного имения Абрау. Таких ваз было множество, и возле каждой из них закипала толпа желающих напиться вволю шампанского. Другие гости осаждали конец буфета, где на хрустальных тарелках были выставлены произведения придворных кондитеров. Считалось, что таких сластей в городе не найдешь. Офицеры, а также и дипломаты, набивали конфетами и шоколадом в пестрых бумажках полные карманы.

Полный неловкости от картины этого великосветского разбоя, когда никто не смущался выхватить лакомый кусок из-под руки соседа, Соколов начал завтрак шоколадным мороженым, а затем успел зацепить кусок фазана с маринованными сливами до того, как на него покусился японский дипломат. Алексей отошел в сторонку — туда, где у серебряных ковшей с оршадом, лимонадом и клюквенным морсом почти никого не было. Здесь он стал невольным свидетелем разговора артиллерийского подполковника с его спутником, поручиком Измайловского полка. Украшенный густой черной бородой подполковник в хмельной запальчивости убеждал поручика выбросить засахаренные фрукты, которыми тот набил карманы, и не носить их матери.

— И ты набрал? — вопрошал подполковник. — А зачем? Ведь это все народное... Это все и создано народом, и оплачено им... Ведь и ты, и я, и этот коллега из Генштаба, — он кивнул на Соколова, — мы все — народ. Все это, стало быть, наше, а государь — только наш отец-командир и не более...

— Что ты, Саша, — увещевал его поручик, — ты крамольные вещи говоришь да еще в гостях у царя!..

Поручик, бледный от волнения и негодования на своего друга, все тянул его под руку подальше от стола, от толпы, где мог найтись какой-либо верноподданный гвардеец и устроить скандал вплоть до дуэли.

Движимый сочувствием и желанием, чтобы смелый офицер не попал в лапы военной жандармерии, которая ревностно следила за образом мыслей в армии, Соколов подошел к подполковнику. Привитая сызмальства, с кадетского корпуса дисциплина сработала в сознании офицера, и он подтянулся, увидев старшего в чине.

— Алексей Соколов, — просто представился полковник.

— Александр Мезенцев, — так же просто сказал артиллерийский подполковник.

— Виктор Гомелля, — в тон старшим товарищам представился гвардии поручик.

— Давайте выпьем за знакомство... — предложил артиллерист и потянулся за бутылкой. Виктор умоляюще посмотрел на друга.

— Ну хорошо, Виктор, — почти трезво ответил на его взгляд подполковник, — я себе почти не налью.

Шампанское вспенилось в узких бокалах, новые знакомые чокнулись. Пригубив, Соколов отставил свой бокал в сторону, и офицеры последовали его примеру.

— В какой дивизии изволите служить? — поинтересовался Соколов. Ему был симпатичен артиллерист-вольнодумец, и он не прочь был поближе познакомиться с ним.

Подполковнику тоже понравился этот офицер Генштаба, совершенно незаносчивый, добродушный и сразу располагающий к себе.

— 28-я бригада, — коротко ответил подполковник, зная, что этого достаточно генштабисту.

— Командир батареи трюхдюймовок?.. — полувопросительно-полуутверждающе протянул Соколов.

— Так точно, и к тому же «огнепоклонник»... — шутливо ответил Мезенцев, намекая на две большие партии в русской армии. Одна, называемая «штыколюбами», пользовалась поддержкой верхов военной власти.

«Огнепоклонники» выступали за максимальное насыщение армии огневыми средствами — от скорострельных винтовок и пулеметов до разнообразной, особенно тяжелой, артиллерии. Молодые и прогрессивно мыслящие генштабисты, такие, как Соколов, называемые иногда «младотурками» за страсть к преобразованиям в армии, горячо поддерживали «огнепоклонников».

— Вот как! — обрадовался Алексей. — Тогда нам есть о чем поговорить.

Полковник хотел узнать у артиллериста о том, как внедряются в его роде войск некоторые новинки, негласно полученные им через Австрию с заводов Круппа. Особенно его интересовала бризантная шрапнель, о которой он уже давно докладывал через генерал-квартирмейстера в Главное артиллерийское управление.

Поручик-измайловец, свято оберегавший своего нетрезвого друга, решил вмешаться, презрев субординацию.

— Господин полковник! — умоляюще посмотрел он на Соколова. — Нас ждут к обеду дома... — неловко соврал он.

Алексей понял и оценил заботу о товарище.

— Хорошо, господа, встретимся завтра в восемь с половиной в офицерском собрании на Кирочной... — предложил он.

— Согласны!.. — торопливо выпалил Виктор, не дожидаясь, пока Мезенцев, настроенный на разговор, отреагирует по-другому.

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

7-я рота, где уже около года квартировал Василий, была улица пролетарская, шумная. Маленькие ампирные домики, каменные и деревянные, в два и в три этажа — обиталища старых бар — перемежались пятиэтажными кирпичными громадами, так называемыми «доходными» домами. Здесь уже почти ничего не осталось от старых времен, когда в районе казарм Измайловского полка, по имени которого получил свое название проспект, селились целыми ротами отставные солдаты.

Василий жил в подвале большого каменного дома, исключительно удобном для конспирации. Из двора можно было усадьбами пройти к Измайловскому проспекту или выйти на 6-ю роту. Через дыру в заборе было легко проскользнуть в узкий Тарасов переулок, а от него через 1-ю роту и проходной двор собственного дома Тарасова добраться до Фонтанки, где летом работал яличный перевоз, а зимой была проложена тропка к Институту путей сообщения и Юсуповскому саду. Одним словом, опытный человек, выйдя от Василия, мог немедленно исчезнуть с глаз долой вольного или невольного наблюдателя.

Анастасия уже два раза получала здесь для передачи своим друзьям студентам нелегальную партийную литературу и потому хорошо знала дороги вокруг дома. Она

шла к нему кратчайшим путем, осторожно наблюдая, не ведет ли за собой «хвост» или не затаился ли где-нибудь господин из «наружки» в типичном гороховом пальто.

Девушка нырнула под арку ворот и через черный ход спустилась в подвал. Расхлябанная дверь пронзительно заскрипела. Вместе с клубами морозного пара Настя очутилась в сводчатом коридоре, освещенном тусклой сальной свечой в железном фонаре. Влажное тепло, тяжелый запах кислых щей, мокрых валенок и непросушенных тряпок пахнул на девушку. Она подошла к знакомой двери и постучала в нее. Василий, одетый в синюю косоворотку и полосатые брюки, ждал гостью.

Настя облегченно вздохнула — в комнате не было этого страшного запаха, который покоробил ее в коридоре. Она сбросила беличью шубку, развязала шаль и присела к столу.

Василий до ее прихода завтракал.

— Хотите чаю, Анастасия Петровна? Хорошо с мороза! — предложил Василий.

— Спасибо, да! — ответила Настя.

Василий налил гостье чаю в стакан, поставил его на стеклянное блюдечко и спросил:

— Вам внакладку или вприкуску?

— Спасибо, вприкуску!

Горячий чай с синеватым твердым сахаром был действительно очень хорош с мороза. В комнате Василия было чисто и просто — железная кровать, аккуратно застланная синим покрывалом, дешевый двустворчатый шкаф, который служил хранилищем и платья, и нехитрых съестных припасов, два венских стула, на которых сидели хозяин и гостья, да пара деревянных лавок, так же хорошо обструганных, как и стол. Неяркий зимний свет струился из узенького оконца, расположенного высоко под потолком.

Анастасия постепенно оттаяла от скованности, расположилась доверием к товарищу и решилась выложить ему все свои сомнения насчет своего замужества.

— А можно мне с вами посоветоваться? — начала она довольно робко.

— Выкладывайте, Настасья, что у вас за беспокойство! — подбодрил ее Василий.

Девушка решила начать издалека.

— Вы помните полковника Соколова, который ходил

на «четверги» к Шумаковым? — осторожно спросила Анастасия.

— Ну конечно! С чего это я должен забывать его, ведь такие офицеры, как он, не каждый день попадаются! — удивился Василий.

— А как вы к нему относитесь? — продолжала спрашивать Анастасия. Она никак не могла найти нужные и точные слова для разговора и от этого все время краснела.

— Очень хорошо отношусь! — подтвердил Василий. — А в чем, собственно, дело? У тебя появились какие-нибудь подозрения? Он что, связан с охранкой? Или что?

— Что вы! Что вы! — испугалась за репутацию Соколова Настя. — Он просто сделал мне предложение!..

— Какое предложение? Сотрудничать с полицией? — продолжал недоумевать Василий.

— Что вы! Совсем не с полицией, а выйти за него замуж! — возмутилась Настя. — Как вы могли такое подумать о нем!

— Ах вот в чем дело! — успокоился насторожившийся было Василий. Он был настроен совсем на другой предмет внимания и поэтому высказал свои подозрения. Теперь ему стало стыдно. — Извините, Настенька! — смущенно улыбнулся он. — Я совсем не подумал об этом, но желаю счастливо жить с ним!..

— А я все мучаюсь, выходить мне замуж за него или нет! — простодушно призналась Анастасия и опять густо покраснела. — Ведь он полковник, представитель той самой машины насилия, которая подавляет революцию... Что будут говорить все наши товарищи?..

— Ну а как к человеку у вас какое отношение к Алексею Алексеевичу? — хитро прищурился Василий. — Сами-то вы его любите или нет?

— Очень люблю! — смущенно прошептала Настя.

— Так за чем же дело стало? — изумился Василий. — Сыграйте свадьбу да живите себе дружно!..

— А революция?! Не предам ли я ее таким образом? Ведь это значит погрузиться в мир семьи... А потом... Солдаты 9 января стреляли в народ по приказам офицеров! Он тоже офицер!.. А вдруг ему придется выполнять приказ и идти против народа?.. Василий, что мне делать?! — вырвалось у Насти.

Мастеровой слегка опешил от потока сбивчивых слов

и молчал, собираясь с мыслями. Настя тоже замолчала, и ее руки бессильно легли поверх стола.

— Во-первых, он не производит впечатление грубого и тупого служаки, бессловесного слуги царя... — принялся размышлять вслух Василий. — Я бы сказал, что Соколов очень умен и какой-то открытый, доброжелательный человек... Он веселый и незлой, вызывает симпатию...

— Да, он очень добрый и незлой! Он справедливый и очень жалеет народ! Я знаю, я видела!.. — горячо вступилась Настя.

— Ну что ж, Настенька! Придет такое время, когда все умные и честные люди будут на нашей стороне! И очень скоро! В армии тоже есть порядочные люди, а революция 1905 года хорошо показала нам, что мы должны завоевывать симпатии солдат на свою сторону, привлекать к борьбе с самодержавием офицеров, распропагандировать их, чтобы не отдавали они команд стрелять в народ! Ну и хорошо! — басил Василий. — Вы ему как-нибудь брошюру нелегальную дайте почитать... Как он на нее отреагирует?..

— Обязательно! — воодушевилась Настя. — Но все равно я хочу быть его женой!

— Не волнуйтесь, Настенька! — успокоил ее Василий. — Товарищи правильно все поймут, если вы выйдете замуж за Соколова. Мы желаем вам счастья!..

— Ой, как я засиделась! — вспомнила о цели своего прихода девушка. — Вы уже приготовили то, что обещали?

— Да, да! — откликнулся Василий. Он стал серьезен и, поднявшись со стула, встал на лавку у окна. Из какой-то глубокой ниши за подоконником он вынул обычную корзинку, с какой кухарки отправляются на рынок за провизией. Корзинка была заполнена доверху. Сверху, на чистой тряпице, прикрывавшей содержимое, лежали мороженые антоновские яблоки. Все было банально и не вызывало никаких подозрений.

— Как я люблю мороженую антоновку! — не удержалась Настя. — Можно, попробую?

— А будете передавать, сверху картофель положите, чтобы технологам, которые будут у вас получать эту корзинку, было хорошее жарево!..

Анастасия аккуратно повязала вокруг шеи тонкую шаль, оберегая от простуды горло. Василий помог ей на-

деть шубку, и Настя, несмотря на свою хрупкость, легко подняла тяжелую корзинку.

— Студент, который придет к вам за ней через две недели, ровно в полдень, скажет пароль: «Не даете ли вы уроки игры на скрипке?» Вы должны ответить ему: «Нет, я могу только учить пению». После этого на всякий случай выгляните на лестницу и в окно — посмотрите, нет ли наряда полиции. Если все спокойно, то отдавайте корзинку. Это оттого, — пояснил Василий, — что в Технологическом институте было несколько провалов и комитет опасается, что там действует провокатор. Если Костя-технолог окажется агентом охранки и приведет с собой полицию, то вы отдайте ему десяток книжек, которые лежат сверху, отдельно, — это вполне безобидные издания речей думских ораторов-меньшевиков...

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Настя давно хотела послушать Надежду Плевицкую, самую модную певицу Москвы и Петербурга. Говорили, что сам царь часто приглашает «курскую соловушку», как прозывали Плевицкую, на вечера в Царское Село. Публика валом валила на концерты знаменитости, которые, впрочем, были нечасты в столице. Анастасия хотела услышать Плевицкую совсем не из-за всеобщего ажиотажа, а потому, что сама училась пению, любила народные песни и репертуар прославленной певицы был ей близок.

Алексей знал об этом желании Насти, следил за афишами и, как только появилось объявление, что «концерт единственной в своем жанре, известной исполнительницы русских бытовых песен Н. В. Плевицкой из Москвы имеет быть в зале Тенишевского училища в четверг... января, с ценою местам от 80 копеек», заказал два билета в креслах поближе к сцене.

Алексей и Настя прибыли за четверть часа до начала. Зал, поднимавшийся крутым амфитеатром, был переполнен, везде стояли дополнительные стулья, молодежь сидела и стояла в проходах амфитеатра. Соколов с трудом нашел свои кресла во втором ряду партера. Стоял неумолчный гул, публика с нетерпением ожидала начала. Первым вошел постоянный аккомпаниатор певицы Александр Зарема, он же автор переложения песни «Шумел, горел пожар московский», часто исполнявшейся Плевиц-

кой. Ему вежливо поаплодировали, и он, откинув полы фрака, присел к роялю. Зал замер, ожидая выхода любимицы.

Плевицкая стремительно появилась на эстраде. Неожиданно для всех она оказалась одета в праздничный наряд курской крестьянки. Ее простое, некрасивое лицо было задумчиво. Она неловко поклонилась в ответ на вспыхнувшие аплодисменты и исподлобья, недоверчиво посмотрела на публику.

Зарема взял первые аккорды. Лицо певицы преобразилось. Широкая русская улыбка, истинно русские интонации речи, таинство поэзии принесли в зал свежесть привольных полей и рощ, бескрайний простор лесов, в которых скрывался былинный Соловей-разбойник.

Как завороженные слушали Плевицкую Настя и Алексей. Необыкновенной мощью веяло от стройной, но крепкой фигуры, блестящих глаз и большого рта, широких скул и побелевших заломленных пальцев...

«Какой талант!» — думала Настя, отдаваясь потоку русских мелодий.

На эстраде русская баба пела о разбойнике Чуркине, о пожаре Москвы 1812 года, о трагедиях на старой калужской дороге и в диких степях Забайкалья. В зале, куда набились вместе с простым народом завсегдатаи аристократических салонов, великосветских праздников, звучали баллады о тяжком труде кочегара — «Раскинулось море широко» и страданиях сибирских каторжан — «Когда на Сибири займется заря». Эту песню ссыльных Плевицкая отваживалась даже петь в Царском Селе перед самим государем-самодержцем Николаем Вторым, отправлявшим борцов на каторгу. И ничего — царь с умилением слушал.

...Раздалось «марш вперед!», и опять поплелись
До вечерней зари каторжане.
Не видать им отрадных деньков впереди,
Кандалы грустно стонут в тумане...

Эта песня вызвала буквально бурю аплодисментов в амфитеатре, переполненном студенческой молодежью, и весьма умеренный восторг в партере вокруг Насти и Алексея.

Анастасии было очень интересно посмотреть, какую реакцию вызовет песня о каторжанах у Соколова. Она

не ошиблась — Алексей был глубоко тронут исполнением этой народной баллады великой певицей.

Девушка видела, что концерт Плевицкой всколыхнул душу Соколова и разбередил ее. Полковник машинально положил руку на подлокотник кресла, где уже лежала рука Анастасии, и она не отняла ее, как бывало раньше. Боясь пошевелиться, просидел Алексей всю оставшуюся часть концерта. В конце концов рука занемела, и, когда надо было помочь Анастасии одеться в гардеробе, полковник не смог это сделать достаточно ловко.

Анастасия была тоже в нервном возбуждении. Она очень хотела, чтобы именно сегодня Алексей объяснился еще раз, снова попросил ее руки. Девушка чувствовала, что искусство словно окрылило Соколова, что он готов сделать решающий шаг и почти уверен, что теперь ему не будет отказа. Они вышли после концерта на улицу вместе с сотнями людей, объятых восторгом и громко обсуждающих свои впечатления, свернули на пустынную в этот поздний час набережную Фонтанки напротив Летнего сада. Где-то вдали, за штриховкой из переплетенных ветвей голых деревьев, горели огнями окна английского посольства.

Соколов остановился у парапета, взял в руки маленькую узкую ладонь Анастасии, поднес ее к губам и глянул прямо в широко открытые глаза девушки.

— Настя, вы знаете, я люблю вас! Я больше не могу без вас существовать!.. Я прошу... Я очень прошу вас стать моей женой!..

Настя, у которой весь этот вечер душа ликовала от счастья — слышать проникающее в самое сердце пение Надежды Плевицкой, быть рядом с Алексеем в эти прекрасные минуты, — вдруг почувствовала себя обессиленной. У нее перехватило дух, закружилась голова, а из глаз неожиданно брызнули слезы.

— Милый... Алеша!.. Я согласна!..

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Чрезвычайный посол и полномочный министр Французской республики при российском императоре Морис Палеолог собирался нанести свой первый визит в Петербурге коллеге и давнишнему знакомцу, послу короля Великобритании сэру Джорджу Бьюкенену. Француз и англичанин хорошо узнали друг друга за те несколько

лет, которые они еще недавно вместе прослужили в болгарской столице Софии.

Господа союзники не только знали друг друга по личным встречам. Опытные и хитрые дипломаты, Палеолог и Бьюкенен, которых судьба столкнула в одном из самых взрывоопасных центров Балкан, собирали друг о друге и систематизировали сведения гласных и негласных своих агентов, сплетни и слухи, циркулировавшие в небольшом дипломатическом корпусе Софии.

И теперь, одеваясь с помощью своего камердинера, Палеолог мысленно улыбался от того, что не только мог предугадать весь ход разговора и вопросы, которые словно невзначай бросит сэр Джордж, но даже скупые жесты коллеги, которыми он будет их сопровождать.

Сойдя из бельэтажа в подъезд, где замерзшие окна излучали голубоватый свет, посол дал себя укутать в шубу на хорьках, мягкий башлык и глубокую бобровую шапку. Героически, как купальщик в холодную воду, вышел он на занесенную снегом набережную. Он затаил было дыхание, боясь обжечь легкие страшным русским морозом, но воздух на набережной оказался совсем не холодным — всего на десять делений ниже буквочки С градусника, укрепленного на посольском подъезде.

Перед послом лежала закованная в ледяной панцирь Нева. Снежные сугробы на набережных, шапки снега на крышах — все источало под солнцем мириады искр. У посла сразу заболели глаза, и он устремился в спасительный полумрак кареты.

Ехать было совсем недалеко. Посол даже не успел поразмышлять, тем более что перед глазами маячила закрывавшая собой все переднее стекло кареты широченная спина Арсения, одетая в синий армяк, по которому пущены три широких галуна — отличительный знак кучера посла. Лакей открыл дверцу и помог выбраться закутанному до ушей господину чрезвычайному министру. Дюжий швейцар с седой бородой распахнул тяжелую створку двери посольского подъезда, и Морис Палеолог очутился на клочке суверенной британской территории.

Заботливые руки лакеев распутали посла от мягких оков перед зеркалом в вестибюле, занимающим простенок между белоснежными колоннами. Стекло отразило небольшого человечка с черепом, голым, словно бильярдный шар, небольшими седыми усами, моноклем на длин-

ном черном шнуре, обвисшим подбородком, подпертым высоким и тугим крахмальным воротничком, в мешковатом фраке на покатых плечах.

В сопровождении мажордома Вильяма, который в обычное время, как было известно Палеологу еще по Софии, служил сэру Джорджу камердинером, посол Франции поднялся в бельэтаж.

«Умеют же устраиваться эти англичане, — думал Палеолог, ступая за одетым в темно-зеленую ливрею и украшенным треуголкой с зелеными петушиными перьями мажордомом, на лице которого выражение любезности сменилось на холодно-каменное. — Даже в этом холодном городе, в арендованном особняке у них чисто английские запахи и надраенная латунь, английская живопись и гравюры в вестибюле...»

Сэр Джордж, сухощавый джентльмен, с короткой стрижкой седых волос и пушистыми усами на продолговатом лице, обнажил в улыбке желтые лошадиные зубы, завидя старого знакомого. Он радушно сунул Палеологу холодную руку и на чистейшем французском языке изложил свою огромную радость вновь увидеть старого друга и союзника по балканским делам в главной столице славянства.

Столь же радостно, как и хозяин, гость приветствовал старого доброго друга.

— Как поживает леди Джорджина? — поинтересовался он у британского посла.

— Превосходно, она велела вам кланяться...

Достигли изящного салона, обставленного старинной дорогой мебелью, крытой гобеленом. Британский посол заметил интерес, который гость проявил к интерьеру, и спокойно прокомментировал:

— Вы видите здесь мою коллекцию мебели, которую я вожу за собой из страны в страну...

— Это все превосходно, мой друг! — одобрил Палеолог собрание редкостей и уютно устроился в одном из золоченых кресел. Он думал при этом, что только англичане обладают столь развитым чувством комфорта, что могут таскать за собой по всему свету любимую, но громоздкую мебель.

Сэр Джордж уселся в кресло рядом и принял свое излюбленное положение — подперев подбородок руками, поставленными в мягкие подлокотники кресла.

— Мой дорогой французский друг! — начал сэр Бью-

кенен. — Я искренне рад снова встретить вас теперь на северном краю Европы...

— О да! — поднял глаза к потолку француз. — Именно здесь надо искать концы тех нитей, узлы которых мы столь успешно развязывали на Балканах...

Сэр Джордж перевел эту тираду с дипломатического языка на обычный и вполне согласился с мыслью о том, что, препятствуя России осуществить ее политику сплочения южнославянских государств, стравливая всех и вся на Балканах и помогая князю Фердинанду Кобургскому отстаивать германские интересы в Болгарии, британский и французский посланники в Софии свято выполняли свой долг, возложенный на них Уайтхоллом и Кэ д'Орсе *.

И тот и другой получил от министров, премьеров и иных вершителей судеб своих стран и народов совершенно четкие и однозначные инструкции — всячески поддерживать друг друга, обмениваться политической информацией, соединенными силами связывать российские правящие круги золотыми финансовыми путами, обязательствами, вытекающими из союзных договоров Антанты, секретных соглашений и протоколов.

От общих знакомых разговор естественно перешел на общие проблемы. Послы резко осудили кайзера Вильгельма и его правительство, поощряющее проникновение германских промышленников и купцов в Турцию, то есть туда, где издавна хозяйничали без оглядки на туземные законы британские «Виккерс», «Армстронг», «Англо-Персидская нефтяная компания» и «Шелл», «Телефон компани», французские «Крезо», «Креди Лионнэ» и прочие тузы.

Сэр Бьюкенен был при этом весьма корректен и не допускал столь резких выражений, которые могли бы отразиться на его репутации джентльмена и посла его величества. Единственно, в чем он по существу расходился со своим французским коллегой, так это в том, что Азия — это, безусловно, британское владение на века и малейшие посягательства на нее со стороны России, Германии и дражайшего союзника — Франции — должны пресекаться в любой доступной Альбиону форме.

Однако послы коснулись восточных дел лишь вскользь,

* Так именовались на дипломатическом жаргоне МИДы Великобритании и Франции по их местоположению в Лондоне и Париже. Российский МИД назывался на этом же жаргоне «У Певческого моста».

ибо главное, что хотел узнать Палеолог, была обстановка при царском дворе, характеристика ближайшего окружения царя, расстановка сил в правящих кругах России, то есть схема всей той паутины власти, которая опутывала империю, и знание тех ее нитей, дергание за которые послужит к вящему торжеству франко-британских интересов.

— В российской политике непомерно большую роль играет ее величество императрица Александра, — не торопясь, отвечал на вопрос Палеолога мистер Бьюкенен. Он знал, что французский посол имел склонность к писательству, и поэтому выбирал слова.

— Она внучка нашей королевы Виктории и по воспитанию более англичанка, чем немка, хотя ее русские недруги считают, что государыня — типичный немецкий продукт... Мадам крайне истерична, не переносит любое общество, кроме, разумеется, своего мужа и, может быть, немногих близких друзей... К числу ее советчиц и поверенных в самых деликатных делах принадлежит фрейлина Вырубова...

Палеолог слушал с безразличным видом, но по тому, как изредка монокль выпадал из его глаза, сэр Джордж понимал, что услышанное весьма интересует французского посла.

— Как мне сообщали осведомленные друзья, — монотонно, но на хорошем французском языке вещал британец, — государыня крайне бережлива и скупа. Вот вам пример... По традиции русского двора дочери царя получают в день совершеннолетия жемчужное ожерелье. Ее величество предложила начальнику канцелярии министерства двора, ведущего закупки для императорской семьи, господину Мосолову покупать ко дню рождения, именинам и рождеству каждой великой княжне по три жемчужины, дарить их и откладывать затем в шкатулку, чтобы подобрать из них в нужный момент целое ожерелье. Таким образом ее величество собиралась избежать больших расходов с императорского цивильного листа... Господин Мосолов оказался достаточно умен, он опроверг способ экономии императрицы, поскольку почти невозможно предложенным ею способом набрать за много лет красивые ожерелья из подходящих друг к другу жемчужин. К тому же стоимость драгоценностей постоянно растет... Тогда Александра Федоровна велела купить каждой из четырех великих княжен по жемчужному оже-

релью, но не вручать его целиком, а рассыпать жемчужины и дарить по три штуки на каждый из праздников — и так до совершеннолетия.

— Ее величество, возможно, упорядочила финансы всего государства? — съязвил Палеолог.

— Совершенно напротив — она дискредитировала себя в такой необузданной стране, как Россия... — сделал вывод Бьюкенен.

— А как смотрит на это его величество? — поинтересовался француз.

— Государь старается не перечить ее величеству... Он вообще производит впечатление довольно апатичного и безвольного человека, но внешность эта обманчива... — подчеркнул англичанин. — Государь кажется также мягким и добрым... иногда, — поправился Бьюкенен. — На самом деле он очень упрям, не любит сильных личностей, диктующих ему свою волю. Поэтому погиб премьер Столыпин и был удален от власти премьер Витте... Образования государь ниже среднего и, думаю, не смог бы успешно командовать полком, хотя и носит звание полковника...

Слуга принес кофейник с горячим напитком, к которому оба дипломата привыкли в бытность свою на Балканах. Разговор, весьма важный для Палеолога и достаточно интересный для его английского коллеги, продолжался.

Бьюкенен рассказал о соперничестве так называемых «малых дворов», то есть придворного окружения семьи каждого из великих князей — ближайших родственников царя, о тонкостях их отношений с царем и царицей, кое-что об их интригах и сплетнях, которые рождаются в салонах великих княгинь для того, чтобы поразить конкуренток и даже саму царицу. Он говорил о том, что государыня платит такой же неприязнью своим русским родственникам, которой они окружили ее...

Палеолог слушал друга все более и более рассеянно. Его мучил зуд по всей коже — француз был настолько запуган разговорами о русских морозах и холоде внутри зданий зимой, что, отправляясь с визитом, надел шерстяное белье. Теперь в жарко натопленной гостиной, выпив не одну чашку горячего кофе, он настолько разогрелся, что взмок, а его кожа буквально горела.

Половину из сказанного Бьюкененом он просто пропускал мимо ушей, а остальное не в силах был запомнить

из-за крайне неприятных ощущений. Хорошо воспитанный англичанин делал вид, что он ничего не замечает, но внутренне поражался какому-то странному состоянию Палеолога.

Наконец он не выдержал.

— Друг мой, не больны ли вы? — участливо спросил сэр Джордж, уставившись на раскрасневшийся голый череп француза и его пылающие щеки.

— Сэр Джордж! — воскликнул Палеолог. — Я не пойму, что со мной творится! Позвольте мне на сегодня откланяться!...

Посол Франции встал и побрел к двери. Он решил, что у него сейчас будет тепловой удар.

Сэр Джордж проводил гостя до гардероба, швейцар помог одеться французскому министру и распахнул перед ним дверь. Только на улице, вдохнув слегка морозного, приятного, как шампанское, воздуха, Палеолог опять почувствовал себя нормальным человеком.

— Англичанин, конечно, осведомлен... Но сэр Джордж не сказал ничего такого, чего не знали бы мои секретари... — сделал вывод хитрый дипломат, садясь в свою карету.

ПЕТЕРБУРГ, ЯНВАРЬ 1914 ГОДА

Два дня — пятницу и субботу, — после того как Соколов получил согласие Анастасии стать его женой, он прожил как в тумане. Он так же, как и всегда, приходил в свое делопроизводство в Генеральном штабе к одиннадцати, чтобы в пять часов покинуть рабочую комнату и спешить на встречу с Настей.

Он и раньше, рискуя прослыть чудаком или гордецом, старался меньше принимать участия в банальных разговорах, которые велись сослуживцами в присутственное время и сводились, помимо военных проблем, к обсуждению скачек, бегов, злословию и анекдотам. Взгляды его начальника Монкевица не отличались широтой во всех вопросах, кроме мировой политики, в которых он был силен из-за близости с министром инстранных дел Сазоновым. Да и тут он был типичным «нововременским стратегом», как иронически называли в российской столице господ, излагавших взгляды, навеянные чтением реакционной газеты Суворина «Новое время».

Полковник Энкель и подполковник Марков также не

отличались особенными умственными запросами. Их интересы сводились лишь к четкому прохождению службы, ожиданию очередного чина, а у Энкеля к тому же к усиленному сколачиванию капитала любыми средствами. Бывший гвардеец-семеновец, Оскар Энкель частенько обедал со своими старыми однополчанами в офицерском собрании Семеновского полка, где собирались великосветские хлыщи и ставшие предприимчивыми дельцами бывшие гвардейцы. После таких совместных обедов Энкель обязательно приносил и распространял самые свежие слухи о похождениях Распутина и другие грязные сплетни из высшего петербургского общества.

Соколов оставался глух ко всяческой придворной грязи. Он не любил слушать Энкеля, россказни которого коробили и потрясали его.

Единственный, кого он отличал среди своих сослуживцев, с кем поддерживал приятельские отношения, был подполковник Сухопаров, обремененный большой семьей и буквально надрывавшийся на разных приработках — чтении курсов в кадетских училищах, руководстве практическими занятиями в Академии Генерального штаба. Только Сухопарову рассказал он о том, что любит и, кажется, любим и что в воскресенье намерен отправиться к родителям просить руки Анастасии.

Не доверяя своему вестовому Ивану в покупке цветов, Соколов сам лично отправился на Морскую в субботу после конца присутствия. Он заказал к следующему утру в магазине «Шарль» самый лучший букет роз, который только можно составить зимой в Петербурге.

Вообще он не привык к особенному гусарству в своей холостой жизни, но ему очень хотелось как-то зримо выразить свою любовь к Насте. Его совершенно не смущала трата денег — полковник российской императорской армии получал неплохое содержание от казны.

С первых своих встреч с Анастасией Соколову очень хотелось доставлять ей приятное, преподносить цветы и конфекты, а на рождество, пасху и именины делать дорогие подарки. Но скромная девушка поставила Алексею условия — отказаться от купеческих замашек, не смущать ее букетами и роскошью, которая в ее глазах выглядела отвратительной и крикливой.

Соколов правильно понял подтекст выговора, который получил однажды от Насти, когда послал ей на рождество 1913 года огромную корзину цветов и положил среди

гвоздик из Ниццы футлярчик с ниткой кораллов. На следующий день Настя вызвала его со службы в приемную. Холодно глядя на Соколова и обратясь к нему весьма официально — «господин полковник», девушка вернула украшение.

— Моя дружба с вами и хорошее отношение не дают основания для столь дорогого подарка! Вы поставили меня в неловкое положение перед родителями, которые весьма удивлены, за что это я получила вдруг драгоценность... Если вы уважаете меня, то больше никогда не посмеете сделать такую бестактность!

Алексей сначала обиделся, но по трезвому размышлению понял, что девушка не терпела отношения к ней как к какой-нибудь содержанке и была права. Тем более что ее семья, по-видимому, была весьма неприятно поражена появлением неизвестного дарителя...

Со слов Насти он знал, что мама не хочет даже и слышать о Соколове, отец тоже против ее брака с офицером. Эти новые трудности не пугали Алексея, он даже предложил девушке увезти ее в другой город и тайно обвенчаться. Но все-таки Алексей не хотел нарушать обычая и решился после объяснения с Анастасией обратиться к ее родителям за благословением.

В воскресенье, взяв закрытую карету, дабы не заморозить цветы, Алексей отправился на 18-ю линию Васильевского острова, где жила Настя. Всю недлинную дорогу — от Морской до 18-й линии — Соколов проволновался и мысленно составлял разные варианты начала разговора. Он знал, что мать Анастасии, Василиса Антоновна, отличалась суровым и властным характером, имела твердые принципы и в страхе божьем держала мужа и дочь.

Отец Анастасии, Петр Федотович, был человек трудолюбивый и мастеровитый — каждую свободную минуту он посвящал дома поделкам из дерева, наполняя квартиру замысловатыми шкатулками с секретами, резными полками и собственноручно изготовленной мебелью в модном тогда древнерусском стиле с резьбой.

«А вдруг откажут?!» — думалось Соколову под скрип снега и хруст ледяных линз, давимых железными шинами кареты.

Наконец возница достиг назначенного ему адреса, Соколов расплатился. На совершенно ватных ногах полковник поднялся на третий этаж, где была квартира Хол-

могоровых. Здесь Алексей дернул за цепочку звонка, и за дверью послышалась знакомая дробь каблучков.

Дверь распахнулась, и действительно за ней стояла Настя. Густой румянец волнения покрывал ее лицо.

Прихожая была невелика, коридор отходил из нее на кухню, откуда приятно тянуло теплом и пахло пирогами. Алексей неловко снял шинель, держа букет, и остался в служебной форме, которая полагалась при случаях по собственной надобности. Крест ордена св. Станислава с мечами второй степени стягивал ему шею, а на левой стороне сюртука красовался еще один орден — св. Владимира 4-й степени, полученный им совсем недавно за выполнение очень конфиденциального и опасного поручения в Германии. Остальные ордена Алексей вполне сознательно не надел, боясь, что весь этот иконостас будет вызывающе выглядеть в простом семействе Анастасии.

Настя вполне оценила его скромность. Она оглядела его с головы до ног, а потом поцеловала в щеку. Алексей снял бумагу с цветов и прошел в горницу, дверь которой была открыта. Здесь в простенке между двумя окнами висело большое зеркало. Соколов увидел самого себя с букетом и Анастасию, идущих под руку. «Совсем как под венец», — улыбнулся он.

Посреди комнаты стоял стол, покрытый скатертью, а слева, почти прижимаясь к киоту в красном углу, большой резной буфет с тяжелыми хрустальными стеклами в дверцах. Огонек лампады теплился перед иконой Казанской божьей матери. Киот был уставлен потемневшими ликами святых и Николая-угодника в блестящих мельхиоровых ризах.

— Сейчас придут, — шепнула Настя Алексею про родителей и усадила его на диван.

Сидеть Алексею было неудобно. Мешал букет, и он никак не мог приладить на широком диване саблю. Не успел он ее уставить, как вошла высокая и моложавая из-за своей худобы женщина с довольно длинным носом, придававшим унылое выражение ее лицу, решительной складкой неширокиx губ и с живыми темными глазами. Ее волосы были темно-русы и расчесаны на прямой пробор.

Алексей встал и преподнес букет хозяйке дома. Она спокойно приняла цветы и передала их дочери властным жестом. Когда Соколов увидел вошедшего следом за женой Настиного отца, то сразу понял, от кого девушка взяла всю свою красоту. Петр Федотович был хотя и невысок,

но строен и ладен. Густые и непослушные пепельные волосы его были причесаны явно с большим трудом. Большие голубовато-синие, как у Анастасии, глаза смотрели на гостя прямо и доброжелательно. Твердый подбородок был гладко выбрит, а рот прикрывала щетка усов темно-пепельного цвета. Он смущенно улыбался оттого, что его жена была не очень-то радушна к Соколову, хотя и заранее предупреждена дочерью о важной цели его визита.

Василиса Антоновна была действительно не в духе. Во-первых, она очень не хотела брака Анастасии с полковником, человеком хотя и обеспеченным, но совсем из другого сословия. Ее просто бесило, что кто-то из будущих знакомых Насти может счесть ее дочь неровней этому человеку, барину в ее глазах. Она считала также, что все военные, а тем более гусары, крайне ветрены и не способны на любовь и привязанность такую, как у людей простого сословия.

Совсем отказать дочери в благословении Василиса Антоновна, как человек глубоко верующий, не могла, но решила все-таки сразу не сдаваться и немедленного согласия не давать.

В таком настроении она вошла в горницу и увидела поднявшегося при ее появлении высокого и стройного военного, с открытым мужественным лицом, ясными глазами и белозубой улыбкой из-под русых усов. Соколов с достоинством преподнес ей красивый букет, каких в жизни у нее не бывало, она встретила его прямой взгляд и оценила простоту и скромную манеру держаться. Неожиданно для нее самой накипевшая на этого гусара злость понемногу стала улетучиваться, и она почти радушно сказала ему:

— Садитесь, батюшка, садитесь! — А сама с мужем села за стол.

Соколов тоже сел к столу и, не зная, как начать, теребил темляк своей сабли. Все молчали. Настя поставила цветы в вазу и тоже присела к столу. Из-за спины родителей она ободряюще взглянула на Алексея.

Соколов чуть кашлянул, от волнения во рту пересохло, и он начал с глухотцой:

— Уважаемые Василиса Антоновна и Петр Федотович! Прошу руки и сердца вашей дочери, а также родительского благословения на наш брак!.. — Он замолчал, раздумывая, что еще следует сказать, поскольку позабыл все придуманные в карете варианты.

Мать Насти, лицо которой было покрыто пятнами от волнения, еще не отошла до конца от своего неприязненного настроения.

— Ну что ж!.. — протянула она. — Настя нам сообщила третьего дня о ваших намерениях... Только у нас, родителей, имеются сомнения... — не захотела она сдаваться. — Мы и приданого такого не имеем, чтобы угодить господину полковнику...

Пришел черед краснеть Анастасии.

— Мама, что ты говоришь! — чуть не плача, вымолвила она.

Твердо глядя на будущую тещу, Алексей медленно и размеренно заявил:

— Я люблю Анастасию, и мне не нужно никакого приданого!

— А как же так — без приданого! — возмутилась Василиса Антоновна. — Это же не по-православному...

— Васюта, подожди со своим приданым... — щурясь, словно от боли, вступил в разговор отец. — Насколько тверды-с ваши намерения, господин полковник? Ведь мы понимаем, что Анастасия, хотя девушка красивая и скромная, все же не из вашего круга жизни-с... Желаете ли вы дать ей счастье или хотите иметь только красивую куклу-с? Вот это нас и беспокоит, так что не обессудьте-с!

Настю почему-то стала раздражать эта мелкочиновничья приставка «с», которая появлялась в речи отца, когда он очень волновался и хотел придать своим словам официальный оттенок.

Алексей, давно передумавший все думы, которые выкладывали сейчас перед ним родители Анастасии, не отводил взгляда от синих глаз Настиного отца, пока тот делился с ним сомнениями. За Соколовым внимательно наблюдала Василиса Антоновна.

Судя по всему, она осталась довольна серьезностью, с которой Соколов воспринял рассуждения ее мужа, и готовилась внести свою лепту в разговор.

— А как вы намереваетесь жить, милостивый государь? — спросила она, показывая себя женщиной практичной. — Ведь вам надо держать дом, приглашать разных гостей... Чай, и генералы к вам заходят?.. А ведь Настенька у нас этикетам не обученная... Вы об этом подумали?..

Соколов решил разрядить атмосферу шуткой.

— Что вы, Василиса Антоновна! — простодушно заулыбался он. — Нет ничего проще... У Сытина на Нев-

ском купим «Подарок молодой хозяйке» Елены Молоховец — и можно закатывать любой званый обед!..

Хозяйка не приняла его юмора и поджала губы. Отец понял, что опять собирается гроза, и постарался свести все дело к миру.

— Алексей Алексеевич! Негоже нам так сразу отдавать любимую и единственную дочку-с! Повремените несколько дней-с! А мы пока тоже обсудим и решим-с! Если Анастасия не усомнится, то мы ей противиться не будем... — И он решительно посмотрел на жену.

— А теперь, Настенька, накрывай на стол! — скомандовал отец. — Надеюсь, господин полковник откушают с нами чаю?..

— С удовольствием! — отозвался Алексей, хотя у него на душе скребли кошки и настроение не стало лучше от ответа неопределенного. Но он решил не обострять отношения с будущими родственниками.

Возбужденность и настороженность прошли и у родителей Анастасии. Они превратились в радушных и гостеприимных хозяев, желавших всячески ублажить гостя. На столе появились пышные пироги, закуски и мочености, из глубины буфета была извлечена лимонная настойка в пузатом графинчике.

Настя, накрыв на стол, сурово посмотрела на родителей и, упрямо вскинув круглый подбородок с ямочкой, поставила свой стул рядом с Алексеем. Мать грозно глянула на дочь, отец улыбнулся одними глазами. Соколову стало ясно, что Настя добьется своего, и ему в следующий раз не будет отказа. Чтобы закрепить это чувство, он довольно демонстративно взял руку Насти и поцеловал ее.

Василиса Антоновна отвернулась, но промолчала.

Стали пить чай и разговаривать о недавнем крещенском празднике на Неве, где на сей раз впервые за много лет в присутствии государя императора была освящена вода, о мягкой сравнительно зиме и близости ранней весны, когда «цыган шубу продает».

Алексей совсем успокоился, он чувствовал теперь себя почти как дома и любовался грацией движений Анастасии, светом мысли на ее лице и всеми чертами человека, которого он любил. Несмотря на то, что отчужденность родителей Насти почти прошла и они от души занимали гостя, через пару часов Соколов решил, что пора и честь знать. Он поднялся и начал прощаться. Его проводили

всей семьей до двери, а когда она за ним захлопнулась, мать ворчливо сказала:

— Не по себе дерево рубишь, не по себе...

— Что ты говоришь, Васюта! — возмутился отец. — Что, наша Настя недостойная, что ли?!

— Не по себе она дерево рубит, не по себе! — уперлась Василиса Антоновна. — Я знаю, что говорю... Барин он!.. Генералом еще станет.

— Что, наша дочь хуже генеральш? Ты говори, да не заговаривайся! — рассердился отец.

— Я решила и выйду замуж за Алексея! — твердо вступила в спор Настя. — Он вовсе не барин, а добрый и умный человек! Я его люблю!

— Гусар он, гусар, говорю тебе! — настаивала мать.

— Не ерепенься, Антоновна! — закончил дискуссию отец. — На следующее воскресенье дадим ему согласие играть свадьбу летом, когда Настенька курс в консерватории закончит...

— Я ему завтра это скажу!.. — обрадовалась Анастасия.

— Не вздумай! — грозно обрушилась на нее мать. — Испортишь все! Икону надо приготовить... Он ведь военный... святым великомучеником Георгием Победоносцем... А все ж, скажу, не по себе ты дерево рубишь!..

ПЕТЕРБУРГ, ФЕВРАЛЬ 1914 ГОДА

Соколов и Анастасия встречались теперь, после того как родители Насти дали согласие на их брак, почти каждый день. Они могли целый вечер бродить по заснеженному Петербургу, а потом отогреваться горячим шоколадом в кондитерской «Бликген и Робинсон», где всегда были любимые Настей взбитые сливки с орешками, или у Филиппова на Невском. Однажды Анастасия согласилась поужинать у «Старого Донона», что на Английской набережной у Николаевского моста. Ресторанная роскошь, пальмы, вышколенные официанты, дамы в открытых почти до пояса платьях и полупьяные господа во фраках и гвардейских мундирах произвели на девушку тяжкое впечатление. Алексей какой уже раз получил повод восхититься трезвостью и справедливостью ее суждений, твердыми принципами, которыми руководствовалась в жизни Настя.

Вторая молодость пришла к Алексею. Любовь окрыляла его, прибавляя сил и делая прекрасной его жизнь.

Полковник словно впервые дышал полной грудью, и мир открывался ему во всем великолепии его лучших сторон. Даже рассказы Насти о суровой и полной тягостной нищеты жизни рабочего сословия Питера, хотя и трогали и волновали Соколова, оседали у него в душе, но не могли вывести из состояния радостного подъема, которое владело им все последние дни.

Приближалась масленая неделя — самое веселое время в Петербурге. Алексей и Настя заранее предвкушали, как они отправятся на народное гулянье, устраиваемое на целую мясопустную неделю Санкт-Петербургским городским попечительством о народной трезвости в Петровском парке. Чопорный чиновный Петербург преображался и опрощался на эти дни. Из холодной и давящей метрополии столица превращалась в народный и веселый Питер.

На масленую наезжали в город из окрестных чухонских хуторов в непостижимых количествах белобрысые «вейки» * с лохматыми маленькими лошадками, запряженными в низенькие санки. Сидя на облучке, небритая добродушная «чухна» сосала невозмутимо трубку-носогрейку и за всякий конец просила «ридцать копек». Петербургские «ваньки», тоже старательно наряжавшиеся на масленицу, обвязывавшиеся многоцветными узорчатыми кушаками и украшавшие упряжь лентами, жестоко презирали конкурентов. Встретив где-нибудь на своем пути «вейку», извозчики обязательно кричали ему: «Эй, посторонись, деревенщина!»

Алексей договорился с Анастасией, что заедет за ней в воскресенье в полдень. Настроение у Насти было отличное, она в субботу днем долго вертелась перед зеркалом, примеряя новую котиковую шапочку, так удачно сочетавшуюся с ее беличьей шубкой и пепельно-жемчужными волосами.

Ее кокетство перед зеркалом прервал звонок в дверь. Был уже седьмой час вечера. Отец еще не пришел с фабрики, а мать, как всегда по субботам, была в церкви, у вечерни. Настя открыла дверь, и мальчишка-посыльный в черном пальто с медным номером на груди и с бляхой на шапке передал ей запечатанный конверт.

* Финское имя, ставшее нарицательным, обозначавшее род извозчиков.

— Ответа не ждут, — сказал мальчишка, но остался стоять в дверях. Настя поняла, что он привык к чаевым, и извлекла из кармана своей шубки двадцать копеек. Посыльный моментально исчез.

Дурное предчувствие овладело девушкой. Она никак не могла вскрыть конверт.

«Неужели что-то случилось с Алексеем?» — испугалась она, но записка оказалась от Василия. Он просил срочно прийти в собор апостола Андрея Первозванного, что на 6-й линии, и сообщал, что будет ждать ее в правом приделе, в дальнем от алтаря углу. Через пять минут Анастасия уже входила в жарко натопленный и нагретый дыханием сотен людей собор.

Еще продолжалась вечерня вселенской родительской субботы. Высоко к сводам собора вместе с чадом сотен свечей, дымом ладана и испариной от верхней одежды прихожан возносилась «Аллилуйя», творимая многоголосым хором.

Настя вспомнила уроки по элементарной конспирации, полученные от товарищей, купила у входа тоненькую свечку и направилась в правый придел. Там в полутемном углу, где теплились лишь лампады, стоял Василий. Его задумчивая поза ничем не выделяла его из молящихся.

Настя подошла поближе, словно случайно встала впереди него, делая вид, что не знает этого человека. Василий остался в прежнем полускорбном положении. Когда, заглушая отдельные слова молитв, громко грянул хор, Василий сказал так, что слышно было только Анастасии:

— Костя-технолог оказался провокатором. Он связан с охранкой. Завтра в час пополудни он должен прийти к вам за литературой и привести за собой наряд жандармов...

Хор певчих гремел во всю мощь, его покрывал бас дьякона.

— Запомните адрес — Малая Охта, Среднеохтинский проспект, 8, второй этаж направо, спросить господина Бессмертного. Будут ждать завтра целый день. Когда отворят дверь, спросить: «Мне сказали, что у вас остановилась моя родственница...» Если в ответ скажут — «Проходите, будьте как дома...» — можно отдавать корзинку. Ни пуха ни пера!..

Анастасия не успела оглянуться, как Василий растворился в темноте придела и исчез. Девушка, потрясенная услышанным, машинально подошла к подсвечнику, за-

жгла свечу от какого-то огарка, поставила ее и так же тихо отошла.

Неторопливо, раздумывая о всем услышанном, она направилась к дому. Неожиданно в голову пришла мысль о том, что ведь Алексей приедет за ней в полдень, а он никогда не опаздывал. Она или должна успеть обернуться до Малой Охты и обратно, или... Это «или» поразило Анастасию своей простотой.

С непредусмотрительностью молодости Настя решила дождаться Алексея, вместе с ним съездить по указанному адресу и отдать опасную корзинку.

«Ведь будет еще целый час до прихода полиции!..» — думала Настя, но, не искушенная в делах подполья, не могла предположить многого...

Воскресенье началось, как обычно, с ожидания Василисы Антоновны от заутренней. Время долго тянулось к полудню. Без пяти двенадцать Настя, одетая в шубку и новую шапочку, поставив у входной двери корзинку, по верху которой, под салфеткой, угадывались французские булки, с волнением ожидала в прихожей звонка. За несколько минут, пока девушка томилась подле двери, масса самых панических мыслей промелькнула у нее в голове. То ей казалось, что сейчас войдут жандармы и схватят ее с уликами, то думала, что Алексей совсем не приедет из-за какой-нибудь случайности, то хотелось раздеться и броситься в постель, сказавшись больной...

Соколов, верный своим привычкам разведчика и генштабиста, был пунктуален. Стенные часы в комнате родителей еще не начали своего перезвона, как на лестнице послышались его шаги с характерным звоном шпор. Настя распахнула дверь и бросилась ему на шею.

— Милый, здравствуй, как я рада, что ты не опоздал! — выпалила она, поцеловав Алексея в бритую и пахнущую одеколоном щеку. Подхватив корзинку и не дав полковнику возможности поприветствовать своих будущих родственников, Настя сбежала вниз по лестнице. Соколов последовал бегом за ней и успел открыть перед ней дверь подъезда. На пороге Настя остановилась, ослепленная ярким солнцем и блеском чистого снега.

У подъезда стоял лихач. Настя немедленно уселась в сани. Соколов укрыл ее ноги медвежьей полстью с кистями и приказал: «Лететь!»

Улица плавно тронулась назад. Вместе с ней остался почти у подъезда Настиного дома человек в студенческой

шинели и шапке с эмблемой Технологического института. Это был Костя-технолог.

Полиция еще вчера решила начать операцию по изъятию нелегальной литературы на час раньше, но приход Соколова спутал охранке все карты. Увидя отъезжающих Настю и полковника, Костя бросился к соседней подворотне — там стояла карета с нарядом жандармов, только собиравшихся вылезать на морозец из тепла.

— Проворонили! — выпалил Костя жандармскому ротмистру, возглавлявшему наряд. — Птичка упорхнула...

— Дурак вы, господин, хотя и студент! — выругался ротмистр. — Спать долго любите!.. В восемь утра надо было начинать... Теперь попробуйте добыть улики-с! А без улик мы не можем дело прокурору передать!.. Теперь госпожу Холмогорову не тронешь!.. На всякий случай двум филерам остаться для наблюдения.

ПЕТЕРБУРГ, ФЕВРАЛЬ 1914 ГОДА

Настя благополучно сдала корзинку на Малой Охте. Соколов, которому она сказала, что мама просила отвезти провизию заболевшей родственнице, терпеливо ждал в санях и предвкушал настоящий праздничный день из таких, о которых память сохранилась с самого детства. Его лишь слегка тревожило, что Настя была сначала неестественно оживлена, потом, дорогой, словно бы успокоилась, а затем на Охтенском мосту вроде бы снова разволновалась. Своим чутьем разведчика и душой любящего человека Соколов точно уловил моменты переживаний Анастасии, но отнес их на счет болезни родственницы.

Девушка вернулась умиротворенная через пяток минут, и Алексей тоже успокоился.

Лихой «ванька» быстро домчал их до Петровского острова, где в Петровском парке шло-гремело народное гулянье. Уже от Тучковой набережной в морозном ясном воздухе доносились от парка за Малой Невой звонкий веселый гул голосов и море самых разнообразных звуков — гармонь, какие-то бубны, писк свистулек, смех и отдаленные выкрики. Все это будило воспоминания о радостях детства.

Показались дощатые балаганы. Отдаленный шум превратился в неумолчное гудение толпы. Веселая и оживленная Анастасия, щеки которой разрумянились от быстрой езды с лихачом, легко выпрыгнула из саней, как

только Алексей открыл полсть. Оба сразу попали в толпу, где, чтобы не оторваться от Алексея, Настя взяла его под руку и прижалась к нему.

Народное гулянье было совсем не тем местом, где можно было вдоволь любоваться друг другом. Настя и Алексей поняли это, радостно, как будто беспричинно засмеялись и стали разглядывать вывески, обращая внимание на самые смешные из них.

На одном из балаганов красовалось огромное полотнище. В пороховом дыму на белом коне скакал храбрый генерал и махал сабелькой, вслед ему валили солдаты, простирая вперед штыки. Как водится, противник быстро улепетывал.

Внутри балагана слышались трубные звуки, пальба, музыка и барабаны, восторженные крики зрителей.

К другому балагану — Малофеева — было не протолкнуться. Здесь народ облепил боковые деревянные лестницы, ведущие в раек. Ждали начала «Куликовской битвы».

— Пойдем? — спросила Настя.

— Пойдем! — с удовольствием ответил Алексей.

Затем покатались с высоченных ледяных гор, слетая в утлых салазках, вздымающих брызги искрящейся на солнце ледяной пыли. Рядом с горами у дощатого буфета под навесом пыхтел огромный самовар и парились пузатые расписные чайники с заваркой. Тут же лежали горками вяземские, тульские, мятные печатные пряники в виде рыб и зверей, человечков и всадников. Толпа прибила Алексея и Настю к буфету, и они не могли удержаться от лакомств.

Всюду сновали лоточники с мочеными грушами и яблоками, разных видов колбасами и студнем, ситными пирогами с грибами, с ливером... Их товар расхватывался на лету и не успевал замерзать.

Когда сияние дня стало угасать, для вящего веселья зажглось электричество. Настя заметно утомилась, стала реже улыбаться и тяжелее опираться на руку Алексея. Он почувствовал это и, полуобняв, развернул к выходу.

Взяли свободную «вейку». Мохнатая лошадка затрусила по Тучкову мосту к Среднему проспекту Васильевского острова. Стемнело. Под меховой полстью Настя уютно прижалась к шинели Алексея и задремала, как сморенный усталостью ребенок.

Внезапно тревожная мысль словно ожгла Настю, и весь сон сразу пропал.

«Как там дома?.. — подумала она. — Все ли благополучно?»

Алексей почувствовал, что девушка проснулась. Он велел финну быстрее держать к Восемнадцатой линии. Когда они вскоре вылезали из саней у Настиного дома, большая круглая луна разливала свой жемчужный свет над городом.

У дома и в подъезде все было тихо. Алексей проводил девушку до квартиры и, когда открылась дверь, хотел было откланяться. Хозяйка, однако, пригласила его на блины. Скрывая свою радость побыть с Анастасией еще целый вечер, Соколов принял приглашение.

«...Все было отменно хорошо в этот день», — думал полковник, покидая радушный кров Холмогоровых. Он шел к Среднему проспекту в надежде нанять там извозчика, и вдруг какое-то смутное беспокойство стало овладевать им. Острая наблюдательность офицера военной разведки позволила ему мгновенно заметить, что он стал вдруг объектом наружного наблюдения. В два счета определил он незадачливого сыщика, прикидывавшегося пьяным гулякой на другой стороне улицы. Он повел его за собой, минуя Средний, до Большого проспекта. Там простейшим приемом быстрого поворота за угол с заходом в ближайшую темную подворотню он сбил преследователя со следа и кликнул проезжавшего мимо «вейку».

По дороге домой полковник упорно размышлял, почему это он вдруг попал в поле зрения филеров. Его острый ум сопоставил это с утренним волнением Анастасии, невзначай замеченным около ее дома возбужденным студентом-технологом и другими мелкими приметами. Соколов сделал отсюда довольно правильный вывод о том, что слежка за Настей, наверное, затеяна охранкой в связи с какими-либо студенческими беспорядками.

«К ним, наверное, причастна Настя и ее друзья...» — решил полковник и тут же подумал, что весь жандармский корпус знает про аполитичность армии. Не стоит волноваться из-за пустяка...

ВАРШАВА, АПРЕЛЬ 1914 ГОДА

В начале тысяча девятьсот четырнадцатого года генеральные штабы всех крупных европейских держав уже предчувствовали большую войну. В российском Генеральном штабе опасались войны еще в прошлом, 13-м году,

но он, слава богу, истек, и Россия получила еще какое-то время для осуществления своей программы перевооружения и модернизации армии. Но военно-политическая обстановка продолжала обостряться, разведка приносила все новые сведения о военных приготовлениях германцев, австрийцев, румын, болгар. Военный министр Сухомлинов решился испросить милостивого соизволения государя на проведение стратегической игры генералитетом русской армии.

На сей раз, дабы придворные бездарности не вмешались в штабные дела и не сорвали задуманное с помощью дядюшки его величества, великого князя Николая Николаевича, как это было в 1911 году, Сухомлинов решил проводить игру в Киеве, подальше от двора.

Когда высочайшее одобрение игры было получено и машина Генерального штаба пришла в движение, один из винтиков этой машины — полковник Соколов, начальник австро-венгерского делопроизводства разведывательного отделения, — получил предписание своего начальника, генерала Монкевица, отправиться в Варшаву. Полковнику следовало проработать в разведывательном отделении штаба Варшавского округа вопросы информационного обеспечения военно-стратегической игры, а затем прибыть в Киев и принять участие в штабном учении.

Под перестук колес варшавского экспресса у Соколова все дальше в интимные уголки сознания уходили мысли о Насте, о предстоящей свадьбе и хлопотах, с нею связанных. На передний план выдвигались сложные переплетения больших европейских и мировых проблем, нацеливание агентуры на самые важные звенья работы берлинского и венского штабов, на раскрытие вражеских замыслов и соображений.

Варшавский экспресс с небольшим опозданием прибыл на Санкт-Петербургский вокзал Варшавы. Коляска из штаба ждала Соколова на площади, он погрузился в нее и велел кучеру везти себя в Европейскую гостиницу, что на улице Краковское предместье. Алексей любил этот удобный отель, сооруженный на месте бывшего дворца Огинских, и до открытия его конкурента «Бристоля», славившегося как первый отель Варшавы.

Портье в отеле, человечек с бородавкой на носу и прилизанными редкими волосами, с пробором посредине головы, в железных очках, внимательно изучал вид на жительство, выданный полковнику Генерального штаба Со-

колову, и внимательно сверял указанные в нем приметы с внешностью красивого военного в черном мундире. Соколову вдруг очень не понравился этот маленький человечек, его манера исподлобья взглядывать на гостя и вся его важная медлительность. Он нахмурился, человечек понял его мимику и мгновенно вернул документ.

— У иностранцев мы вообще не спрашиваем их бумаги, господин полковник! — пояснил он, и Соколов уловил какой-то непольский акцент в его русской речи. Но он не успел разобраться в своих наблюдениях, как коридорный подхватил его чемодан и бросился с ним к подъемной машине, чтобы доставить в скромный двухрублевый номер, который снял Соколов.

Алексей не стал отдыхать с дороги, а тут же вышел на Краковское предместье размяться и побродить по Варшаве, чтобы затем, ближе к четырем часам, явиться в штаб округа к Батюшину.

Генерал Орановский, начальник штаба Варшавского военного округа, принял Соколова очень любезно. Он слышал об этом умном и храбром офицере и теперь с удовольствием пожал ему руку. Долго задерживать визитера он не стал — в Варшавском офицерском собрании был назначен бал, где генерал должен был присутствовать вместе с супругой, игравшей роль первой дамы гарнизона.

Николай Степанович Батюшин был не менее любезен — хотя по сроку производства в чин полковника он был намного старше, но Соколов как-никак был его начальником в Петербурге. Батюшин весь выражал внимание.

Они не виделись чуть меньше года. Начальника варшавского разведывательного пункта продолжало очень интересовать дело Редля и его завершение.

— Группа Стечишина, которую летом прошлого года вывели было в запас, — поделился Соколов, — уже в августе вновь принялась давать информацию, к тому же первоклассную... Ты помнишь, Николай Степанович, один из участников этой группы занимает высокий пост в венском генеральном штабе. Так он доставляет через киевских чехов свежайшие — с разницей всего в две недели — подробные данные прямо с совещаний высшего руководства военного ведомства Австро-Венгрии, проходящих под председательством самого Конрада фон Гетцендорфа... Что касается твоего вопроса о Редле, то 12 ав-

густа мы получили агентурное сообщение из Вены о совещании 21 июля у Конрада, когда он огласил текст составленного им ответа начальнику германского Большого генерального штаба фон Мольтке-младшему. Представляешь, у них вспыхнул скандал, поскольку совещание нашло, что хотя содержание ответного письма и отвечает ироническому тону письма фон Мольтке, но редакция его должна быть изменена, чтобы не идти вразрез со стремлениями дружбы, которую Австрия питает к Германии. Конрад уперся и заявил, что считает текст своего письма окончательным и единственно отвечающим достоинству занимаемого им положения. Старик так разобиделся, что просил поручить составление ответного письма кому-нибудь другому, и совещание решило доложить весь вопрос императору...

— Выходит, у австрийцев и немцев еще идет ссора? — решил уточнить Батюшин.

— Вот именно... Они грызутся практически беспрестанно! — ответил Соколов.

— А как ты смотришь на возможность скорой войны? — задал, в свою очередь, вопрос Соколов и пояснил: — У меня есть сообщения, что в Германии в настоящее время начинают исподволь подготовлять население и войска к мысли о неизбежности столкновения с Россией. В частности, наш агент обратил внимание на популяризацию этой мысли в ряде чтений, прошедших на эти темы в войсках и общественных аудиториях.

— Алексей Алексеевич, я смотрю на сей предмет очень серьезно, — подтвердил Батюшин. — Моя агентура тоже доносит о заявлении императора Вильгельма насчет желательности совместной проверочной мобилизации с Австрией крупных воинских масс и проведения других мероприятий, усиливающих германскую армию... В частности, и австрийцы и немцы особенно остро ставят вопрос о полевом снабжении армии, выдвигая его на степень неотложности. Они пополняют свои войсковые продовольственные запасы до норм военного времени и ведут усиленные переговоры с поставщиками на армию...

Разведчики продолжали обмен мнениями и информацией о военных приготовлениях Срединных империй, а затем отправились обедать в офицерское собрание в бывшем дворце графов Замойских на Краковском предместье.

КИЕВ, АПРЕЛЬ 1914 ГОДА

Когда день 20 апреля уже вступил в свои права, его высокопревосходительство военный министр и генерал-адъютант свиты его величества Владимир Александрович Сухомлинов изволили еще почивать после бурно проведенной ночи с господами генералами, прибывшими на оперативно-стратегическую игру в преславный город святого Владимира. Но зловредный камердинер Петруша не дал досмотреть господину министру радужный сон. Он преданно склонился над кроватью и нежно теребил хозяина за рукав ночной рубашки:

— Ваше высокопревосходительство, вы изволили приказать поднять вас в полдень, а сейчас уже час с четвертью...

— Что же ты, дурак, не разбудил меня раньше, ведь в два я должен начать совещание в штабе округа!.. — осерчал барин.

— Ваше высокопревосходительство, здесь же буквально два шага до Банковой улицы, где стоит штаб... — пытался оправдаться верный слуга.

— Подавай тогда быстрее одеваться, остолоп! — продолжал сердиться генерал. — Да пойди скажи адъютанту, пусть передаст в штаб, я задержусь на полчаса, мол, с государем буду по прямому проводу разговаривать...

Час спустя надушенный и причесанный господин военный министр входил в солидное здание штаба Киевского округа.

С необыкновенно радостным настроением поднимался Владимир Александрович по лестнице, украшенной красным ковром, ведь столько лет изо дня в день он ходил здесь, будучи генерал-губернатором и командующим. А если смотреть на дело шире, то и в переносном смысле он поднялся в верха Российской империи именно по этой лестнице — главной лестнице Киевского военного округа... Именно отсюда вызвал его государь, чтобы доверить сначала Генеральный штаб, а затем и все военное министерство.

Генерал-адъютант вошел в свой прежний кабинет. Здесь теперь царил генерал Иванов, но он любезно предоставил его военному министру.

Сухомлинов сел и раскрыл папку с приготовленной для него диспозицией. Генерал-квартирмейстер Данилов сел визави и приготовился давать объяснения по ходу

записки о военной игре. Однако Сухомлинов знал все бумаги, касающиеся игры, столь хорошо, что разъяснений оператора-стратега не потребовалось.

— Пригласите участников военно-стратегической игры! — торжественно изрек военный министр и перешел к председательскому креслу во главе длинного стола, вокруг коего было приготовлено девятнадцать стульев — по числу генералов, собранных из основных военных округов России — Варшавского, Виленского, Киевского, Московского и Казанского — для проверки оперативных и мобилизационных расчетов и соображений российского Генерального штаба в отношении будущей войны. Никто не знал, что она разразится всего через три месяца и застанет большинство присутствующих сейчас в Киеве генералов на тех же постах, которые были отведены им в ходе этой первой военной игры в России XX века.

Между тем в армии главного противника России — германской различного рода проверочные, зачетные оперативные работы, военные игры на картах и полевые поездки под руководством авторитетного военачальника фон Шлиффена были настолько часты и обычны, что являлись как бы естественным и повседневным занятием офицеров германского Большого генерального штаба.

Сухомлинов знал от военной разведки русской армии об этих особенностях армии германской, очень хотел бы ей подражать, но постоянно сталкивался с косностью и леностью высших армейских и придворных сфер, которые привыкли заменять все военные игры традиционными маневрами в одном и том же районе Красного Села и блестящими парадами пехоты и кавалерии перед царем-батюшкой.

Теперь же он торжествовал — его детище, военно-стратегическая игра, начиналось наконец, и в том составе, в котором предложил всеведущий Данилов...

Генералы занимали места за столом. На одной его половине уселись «представители» так называемого «Северо-Западного фронта» — командующий Варшавским округом Жилинский, бывший недавний начальник Генерального штаба; Орановский, его начальник штаба, который получил роль начальника штаба фронта; Ренненкампф, командующий Виленским округом в роли командарма-I, со своим начальником штаба Милеантом; другие генералы фронта — Рауш фон Траубенберг и Леонтьев.

На другой половине — главком «Юго-Западного фронта» Иванов, нынешний радушный хозяин в Киевском военном округе; начальник его штаба Алексеев; командармы и начальники штабов барон Зальц и генерал Гутор, Плеве и Миллер, Чурин и Драгомиров-младший, Рузский и Ламновский.

Янушевич и Данилов заняли места на противоположном Сухомлинову конце стола.

— Ваши превосходительства! — торжественно начал военный министр. — Сегодня мы приступаем к важнейшему мероприятию, долженствующему усилить нашу славную российскую армию... Здесь собрались те командующие округов и штабов, кои с объявлением подготовительного периода к войне, то есть мобилизации, развернутся во фронтовые и армейские организации...

Сухомлинов важно оглядел всех присутствующих и убедился, что его внимательно слушают.

«Ну, слава богу, пошло!» — подумал он, но вслух продолжал размеренно и начальственно:

— Мы мысленно представим себе, что государь император объявил сегодняшний день началом мобилизации. По ее этапам, а также по оперативным планам стратегического развертывания, на основе информации наших разведывательных отделений о противнике и других вводных проведем всестороннюю работу, как если бы война началась на самом деле...

Генералы слушали, не перебивая и не задавая вопросов. Они были уже заранее подготовлены Генеральным штабом, получили на руки мобилизационные предписания, оперативные планы начала войны и ознакомились со всеми этими материалами.

Сухомлинов продолжал:

— В качестве одной из вводных мы принимаем, что перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев... Кроме того, нынешняя игра у нас односторонняя, то есть наши командующие фронтами и армиями работают только за себя, принимая вводные на игру, но никто не выступает в качестве противника. Как видно из общей вводной обстановки игры, нашим врагом являются Германия, Австро-Венгрия и Румыния, причем главные силы Германия направляет против нашего союзника — Франции, а Румыния, хотя и может развернуть на русском фронте до трех армейских корпусов с соответствующими резервами, активно воевать про-

тив нас, как показывают имеющиеся политические и разведывательные данные, не будет...

Когда Сухомлинов помянул Францию и основное направление германского удара на нее, Янушкевич и Данилов сразу же вспомнили прошлогодний визит генерала Жоффра в Петербург, когда французский командующий вопреки всякой военной логике настаивал на Восточной Пруссии как цели главного удара, для того чтобы оттянуть главные силы германцев от французского фронта.

Стратегическая истина подсказывала совершенно иное направление главного удара русской армии — на Австро-Венгрию, что обеспечивало разгром этого союзника Германии и еще больший эффект в оттягивании сил с западного фронта. Однако Жоффр был неумолим, он пустил в ход не только довольно куцые оперативные аргументы, но главным образом угрозы прекратить финансирование стратегических железных дорог в западных областях России, ассигнованиями на которые, а также на вооружения западная союзница России тесно привязала ее к себе и к своим планам. В Петербурге не нашлось достаточно твердых и решительных политиков и военных, которые могли бы растолковать упрямому Жоффру и всему французскому генеральному штабу, что русский оперативный план войны более выгоден и скорее достигает тех же целей, что и французский.

Сухомлинов также хорошо помнил все обещания Янушкевича Жоффру и поэтому в качестве основного противника указал на Германию и ее стратегическое развертывание в Восточной Пруссии. Однако упрямая логика стратегии подсказывала российским генералам направление удара на Австрию. Поэтому второй вводной было сообщено об одновременном ударе также и на Галицию.

Французские идеи войны против Германии кровью русских мужиков все-таки получили приоритет в устах самого военного министра, начальника Генерального штаба Янушкевича и генерал-квартирмейстера Данилова: организация стремительного первого контрудара в Восточной Пруссии. Именно поэтому Сухомлинов и продолжал коротко, но смело:

— 1-й и 2-й армиям, не ожидая окончания нашего развертывания на среднем Немане, немедленно перейти в наступление обеими армиями одновременно, нанося главный удар 1-й армией в направлении Гумбинен в об-

ход Мазурских озер с севера; 2-й армией в направлении на город Лык с охватом правого фланга германцев...

— Ваше превосходительство, — позволил себе перебить военного министра командующий 1-й условной армией генерал Ренненкампф. — Но ведь это настоящие Канны для германской армии!

— Мы это еще проверим в ходе игры, — самодовольно отозвался Сухомлинов и продолжил свой доклад об условиях и вводных.

...Целых четыре дня в весеннем Киеве 1914 года в здании штаба Киевского военного округа царило необыкновенное оживление. Старцы в генеральских погонах устраивали на бумаге Канны германской армии, громили австрийцев, забывая о самых элементарных принципах стратегического развертывания армии, основанного на хорошо поставленной армейской организации, путях сообщения, связи и материальных ресурсах.

Твердо устанавливалась та самая пагубная линия поведения любой ценой угодить западному союзнику, которую приняло русское военное руководство в первые месяцы мировой войны. До разгрома армий Самсонова и Ренненкампфа оставалось три месяца.

КАРЛСБАД, МАЙ 1914 ГОДА

Могучие каштаны подняли к ясноголубому небу над Карлсбадом белые свечи своих соцветий, напоили воздух долины, что расстилается за поворотом речки Тепль у здания Королевских ванн, весенним ароматом. Изредка на дороге у трактира «Почтовая станция» останавливались собственные и наемные экипажи, высаживая по-курортному одетых дам и кавалеров, беззаботно щебечущих и совершенно не подозревавших, что в сотне метров от них, в парке подле белокаменной трехэтажной виллы, два генерала готовятся решать судьбы и этих веселых кургастов, и всего остального — цивилизованного и нецивилизованного — мира.

Это были начальник генерального штаба императорской и королевской армии Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф и его гость из Берлина, начальник Большого генерального штаба германской армии генерал граф фон Мольтке-младший. Племянник «великого» Мольтке, победителя Франции, младший граф фон Мольтке был уже совсем не молод, успел прослужить в хлопотливой долж-

ности начальника германского генерального штаба около восьми лет. За это время его от рождения меланхоличный характер стал еще более пессимистическим, а усы, браво торчащие а-ля кайзер как у любого германского офицера, повисли почти трагически. Его грузная фигура покоилась в плетеном кресле рядом с другим таким креслом, в котором, напружившись, не касаясь спинки, сидел радушный хозяин — Конрад фон Гетцендорф. Оба были в легких летних фуражках, Мольтке — в синем мундире генерального штаба, а Конрад — в своей любимой кавалерийской венгерке. Его усы воинственно топорщились в сторону гостя.

Свита, состоящая из офицеров генштаба обеих империй, и два лакея, назначением которых было менять бокалы и напитки, расположились чуть в стороне, также в тени огромного платана, как и генералы, но на таком расстоянии от них, чтобы в любую минуту можно было подать портфель, карту или справку.

Генералы важно и неторопливо вели разговор, который должен был спустя несколько недель определить движения корпусов и армий против всех врагов Срединных империй и их союзников.

Фон Мольтке на этот раз отвечал визитом своему коллеге фон Гетцендорфу, с которым не виделся почти год, но весьма оживленно переписывался. На бумаге он так и не смог ни в чем убедить упрямого Конрада и поэтому, по совету императора Вильгельма, решился даже на такой крайний шаг — в разгар подготовки к большой европейской войне, когда начальник генерального штаба должен трудиться на своем рабочем месте и готовить всю страну к решительной схватке, фон Мольтке отправился под видом отпуска в Богемию, в Карлсбад на встречу с гордецом, которого он к тому же так сильно задел в своих письмах, связанных с делом Редля. Ну что же! Ведь както надо было исправлять положение и внушить этим легкомысленным австрийцам, что гениально прав был Шлиффен, когда говорил, что «судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене!».

Теперь, сидя в удобном кресле рядом с Конрадом, фон Мольтке мысленно перелистывал страницы доклада о нем полковника Николаи, обер-шпиона Германии, и приходил к выводу, что Вальтер добросовестно выполнил задание. Этот живой и напористый генерал в кавалерийском наряде (Мольтке знал — в армии союзника, как и в осталь-

ных европейских, в особом почете были именно кавалеристы, представители самого аристократического рода войск), заявляя о чисто прикладных сторонах своего оперативного плана войны, весьма упорно отстаивал преимущества «Сосредоточения Б», имевшего направлением Балканы и главной целью — разгром Сербии и Черногории.

Германская империя, ее армия и лично фон Мольтке-младший были более заинтересованы в плане под названием «Сосредоточение Р», смыслом коего являлась активизация Австро-Венгрии против России. Но начальник германского генерального штаба уже бился с утра, но никак не мог доказать упрямому Конраду всю выгодность для общего дела именно второго плана.

— Главным врагом Австрии исторически является Россия, — размеренно высказывал он свои мысли Конраду. — Именно против нее следует направить все помыслы, всю энергию, все оперативно-стратегические расчеты. В то же время главным врагом Германии является Франция, и, как говорил мой учитель Шлиффен, мы должны мечтать о победоносном вторжении в цветущие равнины Сены и Луары. Это всеми принимается как нечто вполне определенное...

— Но, граф, ведь Франция предусмотрела направление главного германского удара и построила систему крепостей, закрыв все проходы через Юру фортами в Бельфоре, Туле́ и других городах... Ее можно взять только фланговым ударом — через Швейцарию или Бельгию... — решительно возразил Конрад. — Однако нарушение нейтралитета Швейцарии и Бельгии вызовет всеобщую войну и осуждение Германии!

— Генерал, мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора... Только успех оправдывает войну! — не менее решительно ответил ему Мольтке. Затем, пригубив отличного моравского вина «Совиньон», пруссак продолжал подстрекать австрийца против России:

— Итак, господин генерал, если брать за основу мобилизационный план «Сосредоточение Р», а я полагаю, это следует делать обязательно, ваш союзнический долг заключен в том, чтобы максимально соотнести планы кампании с германскими. Тогда при расчетах мобилизационной готовности нужно иметь в виду, что на 18-й день мобилизации Россия может сосредоточить на своем западном фронте весьма внушительные силы... В то же вре-

мя, — продолжал Мольтке, — я хотел бы вас предупредить, что план основного и главного удара германской армии направлен на разгром армии французской, а посему мы направим против Франции все основные силы и средства. Как полагал генерал Шлиффен, мы можем даже оголить наш фронт в Восточной Пруссии, и в течение шести недель с первого дня мобилизации Австро-Венгрия должна будет самостоятельно вести операции против России. Мы твердо рассчитываем через шесть недель разгромить полностью основные вооруженные силы Франции и взять Париж! — еще раз подчеркнул генерал и уверенно шлепнул по столику ладонью, так что задребезжали бокалы.

Конрад сделал знак лакею, чтобы тот наполнил бокалы, и, когда слуга отошел, он поднял бокал и, глядя в глаза Мольтке, проникновенно произнес:

— За грядущие победы германской и австрийской армий! Хох!

Начальник германского генштаба чуть приподнял свой бокал и пригубил его. Затем он методично продолжал развивать свою мысль о разгроме Бельгии:

— В дополнение к одиннадцати корпусам, которые вторгнутся во Францию через Люксембург и Арденны, германское правое крыло составят 15 корпусов, или 700 тысяч человек. Оно будет наступать через знаменитые бельгийские укрепления Льежа и Намюра, защищающие долину Мааса. Каждый день в наших планах уже расписан. Могу вам сообщить строго доверительно, что дороги через Льеж будут открыты на Францию на 12-й день после мобилизации, Брюссель падет на 19-й день, граница с Францией будет пересечена на 22-й день. На тридцать первый день германские войска выйдут на линию Тьонвилль-Сен-Квентин, а в Париж войдут, достигнув решительной победы, на тридцать девятый день войны...

— Браво, генерал! — уже без иронии, почти убежденный пруссаком, воскликнул Конрад. — Но на какой день после начала мобилизации германские войска начнут передислокацию против России, чтобы сокрушить этого колосса?

— На сороковой день мы начнем переброску частей из Франции на Восточный фронт, если к тому времени вы еще будете воевать... Не исключено, что после разгрома Франции Россия выйдет из войны и начнет переговоры о

мире... Вот тогда-то всей мощью вы сможете осуществить свой план «Сосредоточение Б», обрушившись на славянские государства на Балканах и включив их в результате победы в свою империю!

Эта перспектива настолько захватила Конрада, что он решил согласиться с фон Мольтке и действительно начать войну с «Сосредоточения Р». Он посидел еще несколько минут молча, затем откинулся на спинку кресла и подтвердил:

— Я согласен, господин генерал, с вашими предложениями о координации действий императорской и королевской армий империи с планами стратегического развертывания германской армии...

Мольтке вздохнул с облегчением. Ему уже начало надоедать упрямство коллеги. Теперь он решил зафиксировать договоренность и предложил:

— Господин генерал, не угодно ли вам будет подписать протокол о нашей встрече, который со временем войдет в скрижали германской истории?

— Охотно, граф! — согласился Конрад. — Давайте поручим составление этого документа начальникам оперативных отделов наших генеральных штабов. Я выделяю для этого полковника Гавличека...

ПАРИЖ, НАЧАЛО ИЮНЯ 1914 ГОДА

Париж танцевал и веселился перед тем, как все, у кого есть деньги, разъедутся на курорты или в поместья. Золотые луидоры текли рекой не только у модного «Максима», но во всех других ресторанах и кабачках. Автомобильные фабрики и магазины не успевали выполнять заказы на лакированные лимузины и ландолеты. Моторы давали возможность пресыщенному свету встречаться на приемах не только в наскучивших особняках и залах столицы, но и в загородных уютных дворцах и шато, окруженных парками, на берегах озер и прудов, даривших прохладу разгоряченным винами и любовью гостям.

Но все затмил бал «драгоценных камней». Он превзошел даже самые пышные петербургские придворные балы и представления в Мариинском театре, куда дамы являлись увешанные буквально килограммами драгоценных камней. На этом парижском балу каждая модница заранее обменялась со своими знакомыми каменьями и превратилась в олицетворение того или другого драго-

ценного камня. Ее туалет соответствовал цвету украшавших даму камней.

Его превосходительство, чрезвычайный и полномочный министр Франции при дворе императора Николая Второго Морис Палеолог, почтивший своим присутствием этот бал, самодовольно подумал, что холодный и туманный Петербург, который он только что покинул, чтобы прибыть в Париж и обсудить с президентом все детали его предстоящего визита в российскую столицу, лопнул бы от зависти, доведись ему хоть краем глаза увидеть все это великолепие и богатство. Но тут же господину послу, возвращавшемуся под утро с бала домой, сделалось не совсем уютно в обитом шелком лимузине. Он вспомнил о том, что ему поручено готовить новую европейскую войну, присматривать за союзником и понадежнее втравить его в грядущую схватку.

Палеолог вспомнил, как почти прямо с Северного вокзала, едва переодевшись из дорожного платья в визитку, он ринулся в Елисейский дворец, к президенту Пуанкаре. Старая дружба, еще по лицею Людовика Великого, и доверительность отношений, в которых дипломат Палеолог выступал конфиденциальным информатором политика Пуанкаре, давали ему право быть принятым по первому телефонному звонку.

Личный секретарь Пуанкаре, не спрашивая патрона, пригласил господина министра прибыть в Елисейский дворец и любезно прислал за ним мотор. Лакей в галунах и позументах проводил Палеолога к высоким резным, с бронзой дверям кабинета Пуанкаре и поклонился. Посол вошел в зал, украшенный гобеленами и старинной драгоценной мебелью. Вся эта королевская обстановка отнюдь не гармонировала с простой и коренастой фигурой мсье президента.

Невзрачный человечек с редкими волосами и щелочками бесцветных глаз на лице, посреди которого алел приплюснутый носик, вышел из-за инкрустированного черепахой и серебром стола XVIII века навстречу другу и соратнику. Его, олицетворявшего собой на ближайшие годы великую Францию, давно уже окрестили в народе метким прозвищем «Пуанкаре-война» за то, что во всей своей государственной деятельности, во всей своей политике он толкал страну на реванш у Германии. Его поддерживали все правые парламентские группировки как носителя идеи реванша и продвигали этого адвоката

сначала на министерские посты, затем на пост премьер-министра, а теперь усадили и в кресло президента республики.

— Мой дорогой Морис, как я рад тебя видеть! — зажурчала гладкая речь Пуанкаре. — Давай же обнимемся!..

— Дорогой Раймон! — возликовал Палеолог, видя, что его принимают не как чиновника, но как друга. — Я примчался по первому знаку!..

Друзья обнялись. Пуанкаре после этого уселся на диван, крытый шелком, и сделал знак Палеологу занять место рядом в кресле.

— Чем дышит Петербург, господин посол? — приступил он к делу без лишних предисловий.

— Дышит парижской модой и ароматом французских духов, любуется фиалками из Ниццы, пьет французские вина... — пошутил посол.

— Слава богу, что денежки, которые мы зарабатываем на этих «медведях», мы считаем сами, — ворчливо поддержал его Пуанкаре. — А что господин Романов? Готов ли он наконец начать отрабатывать полученные кредиты, схватив за хвост германского орла? Ведь в позапрошлом году, когда началась драка на Балканах, его военные отказались в нее ввязаться, ссылаясь на неготовность армии к большой войне...

— Они и сейчас еще говорят, что не готовы, Раймон, — перешел на серьезный тон Палеолог. — Только к 1917-му!..

— Мы не можем ждать так долго! — категорически изрек президент. — Германия тогда слишком прочно осядет на Ближнем Востоке и отхватит у нас Северную Африку. Разве русские забыли о прыжке «Пантеры» в Агадир?

— В России не думают о том, какую угрозу германский флот и германские промышленники составляют французским интересам повсюду в мире. Петербург больше смотрит на Персию, противодействуя там Британии. Даже Турция его меньше волнует теперь... — Палеолог подумал, а затем продолжал: — По докладам моих информаторов, хорошо знающих настроения при дворе, царская семья и великие князья имеют множество интересов в Маньчжурии, их волнует Закавказье, примыкающее к Ирану и Турции. Но на Дальнем Востоке и в Средней Азии, в Персии и Турции их интересы сталкиваются с

английскими. Именно по этой причине нам трудно превратить сердечное согласие в крепкий тройственный союз...

— И не надо, — прервал его Пуанкаре. — Совсем незачем устраивать сближение России и Англии. Нам нужно от России только одно — чтобы миллионы ее солдат отвлекли германскую армию на Восток, пока мы изготовимся и перейдем в наступление на Берлин.

Пуанкаре поведал другу, что главное сочувствие идее войны высказывается хозяевами французской металлургии, объединенными в знаменитый «Комитэ де Форж». Они крайне заинтересованы в возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии, отнятых немцами в 1870 году. Палеолог и сам хорошо знал, какую роль в нагнетании военных настроений во Франции играли эти провинции. Но, кроме эмоций, за идеей реванша стояла еще огромная экономическая выгода магнатов текстильной, металлургической индустрии, хозяев железных дорог, которую они рассчитывали получить, отвоевав Эльзас-Лотарингию.

Затем президент перешел к возможному предлогу войны и указал, что обстановка на Балканах, этой «пороховой бочке» Европы, остается крайне взрывоопасной.

— Далее, — не давая себя перебивать, продолжал Пуанкаре. — По очень надежным каналам нам стало известно, что готовится покушение на эрцгерцога Франца-Фердинанда, которое может стать предлогом для столкновения Австро-Венгрии и Сербии. Разумеется, при желании такое столкновение всегда можно превратить в более широкий конфликт, если в данный конкретный момент это будет нам выгодно...

Что же касается сроков, то, мой дорогой посол, это известно только самой судьбе. Ведь мы лишь ее рабы, — скромно опустил глаза долу президент.

— Раймон, не мог бы ты подсказать, что следует делать в Петербурге в это сложное и опасное время? Я всегда особенно ценил твои советы...

Пуанкаре криво усмехнулся.

— Твоя задача, Морис, сделать в Петербурге так, чтобы инициатива развязывания войны принадлежала не Франции или ее союзнику — Российской империи, но Германии. Поэтому поддерживай миролюбие царя только до такого предела, чтобы Вильгельм втравил его в войну... Но честь ее начала должна принадлежать Гогенцоллерну!.. Это, кстати, весьма важно и для того, чтобы на-

ши социалисты и радикалы голосовали за военные кредиты и развитие армии...

Пуанкаре поведал своему другу также тайну, которая уже не была секретом для русских дипломатов. Он рассказал, что бывший министр иностранных дел Российской империи, а ныне посол в Париже Извольский и нынешний министр иностранных дел Сазонов — члены французских масонских лож и на них можно влиять в нужном направлении через французских братьев.

В Петербурге, у Певческого моста об этом кое-кто знал. Слухи дошли даже до императрицы Александры Федоровны. Александра Федоровна была убеждена, что именно масоны толкают Россию к войне, и требовала от супруга, чтобы он реже принимал министра иностранных дел и, упаси бог, не поддавался на его просьбы...

Президент и посол поговорили о слабостях и недостатках царской семьи, о глубочайшей моральной противоположности и молчаливой двусмысленности, которые лежат в основе франко-русского союза, союза прекрасной, прогрессивной и гуманной республики с мрачной самодержавной монархией, презираемой всеми либералами Европы.

— Ослабить эту империю, оторвать от нее Польшу на западе, в пользу англичан — Среднюю Азию и Кавказ, кроме, конечно, Бакинских нефтепромыслов, которые должны стать полноправным владением французских банков, — вот твои долговременные задачи, мой дорогой посол!

КИЛЬ, ИЮНЬ 1914 ГОДА

Свежий норд в четыре балла по шкале Бофорта развел порядочную волну в Кильской бухте. Через весь бездонный голубой свод неба тянулись с веста на зюйд несколько серебряных струй перистых облаков. На рейде, напротив входа в канал, лагом к волне стояла императорская яхта «Гогенцоллерн». Волны накатывались на левый борт и, хлюпая, обегали весь стройный белоснежный корпус. Выступающий вперед плуг форштевня, чуть склоненные назад две трубы и мачты яхты придавали ее силуэту стремительность. Даже стоя на якоре, она казалась летящей по волнам.

Перед императорской яхтой среди сияющих на волнах бликов, распустив белоснежные паруса, бесшумно

скользили в бейдевинд, зарываясь в мириады брызг, легкие суденышки. Это были международные гонки парусных яхт, посвященные традиционному празднику германских мореходов — «Кильской неделе».

На парадной палубе императорской яхты под тентом, полощущимся на ветру, кайзер Вильгельм II наблюдал за гонкой. Черный адмиральский мундир украшал дородное тело императора, правая здоровая рука в белоснежной лайковой перчатке твердо сжимала морской цейсовский бинокль, левая сухая рука, как обычно, была заложена за спину.

Вильгельм изредка бросал недовольные взгляды на север, где мористее чернели два силуэта английских дредноутов, прибывших почетными гостями в Киль.

Склянки отбили три часа пополудни. Император снова отвлекся от мрачных мыслей и стал внимательно разглядывать участников гонок. Но ему помешал сосредоточиться на любимом спорте паровой катер, который нагло пересек курс быстро приближавшихся яхт и подвалил к выстрелу * императорского корабля. На его палубе подавал сигналы рукой, стараясь привлечь к себе внимание, какой-то генштабист. Фалрепный ** матрос вопросительно посмотрел на флаг-офицера ***; флаг-офицер постарался угадать желание кайзера и увидел, как он недовольно шевельнул левой рукой. Этот знак говорил флаг-офицеру: кайзер желает, чтобы его оставили в покое. И горе было смельчаку, презревшему это повеление, если важность сообщения не имела оправдания.

Офицер продолжал махать какой-то бумажкой, а затем вложил ее в свой портсигар и метнул на палубу, прямо к ногам кайзера. Тот инстинктивно дернулся, словно это была бомба. Флаг-офицер коршуном бросился на портсигар и открыл его.

«Какая неслыханная дерзость!» — решил про себя император и собрался уже сделать соответствующее распоряжение насчет генштабиста, как моряк подал ему листок, оказавшийся бланком телеграммы. В ней стояло:

---

* Выстрел — длинная и толстая балка, идущая горизонтально над водой от борта корабля. Служит для перехода с корабля на шлюпку.

** Фалрепный — матрос из состава вахтенных, назначающийся для подачи фалрепа (троса, заменяющего перила на трапе) при встрече прибывающих на корабль лиц командного состава, а равно и при проводах отбывающих с корабля.

*** Флаг-офицер — офицер в морском штабе, ведающий сигнальным делом и исполняющий обязанности адъютанта.

«Три часа тому назад в Сараеве убиты эрцгерцог и его жена».

У кайзера кровь сначала отлила от лица, а затем снова от радости бросилась в голову. «Вот он, желанный «Казус белли»!» * — как удар бича, пронеслась мысль императора. Вслух он произнес нечто иное, хотя и довольно двусмысленное:

— Теперь придется начинать сначала!

Фалрепный помог генштабисту подняться на борт «Гогенцоллерна», но офицер не знал ничего, кроме содержания телеграммы, подробности ожидались через пару часов.

Кайзер отдал приказ. Якорные шпили потянули носовой и кормовой якоря, а на флагштоке поползло вниз белое полотнище военно-морского флага Германии, перечеркнутое темно-синим крестом. В середине его напружил хищно свои крылья орел, а в углу у древка повторялся имперский флаг — черно-бело-красный с Железным крестом в центре.

Кайзер ни одним словом не выразил грусти по убитому родственнику, хотя и понимал, что все его слова в этот день войдут в историю мира и Германии. Он только топорщил свои усы, и его распирало чувство огромной радости. Вот наконец явился повод наказать всех этих балканских славян и, может быть, даже начать столь долгожданную и желанную войну!

Матросы не успели еще смыть с якорных лап иловую грязь, поднятую со дна, как «Гогенцоллерн», выдохнув из своих двух белоснежных труб мрачные черные клубы копоти от нефти, повалил в циркуляции курсом на норд, к выходу из бухты. Император решил обогнуть остров Фемарн и добежать до Варнемюнде, где всегда ожидал команды запасной императорский поезд на прямой железнодорожной линии до Берлина.

«Адмирал Атлантического океана», как любил себя называть в кругу единомышленников Вильгельм II, предался размышлениям.

«Если эти шенбруннские недотепы не осмелятся использовать столь благоприятный повод для начала большой войны, — думал император, — я сам заставлю их сделать это! Какой прекрасный момент! Славяне убивают загордившегося Франца-Фердинанда, возомнившего объединить под австрийской короной еще и югославян. Как

* «Казус белли» — повод к войне (латин.).

будто мало ему проблем в дуалистическом союзе Австрии и Венгрии! Захотел еще триалистическую монархию в пику германским интересам на Балканах! Неужели он не сообразил, что все эти славянские земли должны быть не более чем сухопутной надежной дорогой на Ближний Восток, в Турцию!

Вот где мы заставим потесниться французских ростовщиков и английских торгашей!» — размышлял кайзер под равномерный гул машины.

«Надо поручить дипломатам и разведчикам узнать, вступит ли в драку Англия. Это больной вопрос! Русский медведь, если он полезет на защиту своих склочных братьев, будет оч-чень долго запрягать, и мы сможем повернуть против него наши железные корпуса, освободившиеся после разгрома Франции... Но если Англия задумает принять участие в схватке, то большую войну надо отложить на другой раз, чуть позже, поссорив Альбион со своими союзниками... Итак, будем толкать Австрию к войне!

А если все-таки придется вести войну и с Англией?» — пришла мысль в голову кайзеру. Он ответил себе на этот вопрос словами, которыми когда-то, несколько лет назад, столь поразил своего любимого адъютанта графа фон Хилиуса

«Если кто-то осмелится напасть на Германию, — сказал он близкому помощнику в день своей серебряной свадьбы — 24 февраля 1906 года, — я зажгу мировую войну, которая потрясет весь свет; я подниму весь ислам против Англии, и султан мне обещал свою поддержку. Англия может уничтожить наш флот, но у нее кровь будет сочиться из тысяч ран». Опасения английского участия в большой войне нахлынули вновь в его душу, но священная германская гордость взяла свое. Вильгельм решительно вернулся в свое кресло, чтобы продумать ближайшие шаги. Следовало с максимальной пользой использовать столь счастливое обстоятельство, как славянский террористический акт, на благо великой германской идеи...

ПЕТЕРБУРГ, 15 ИЮНЯ 1914 ГОДА

Жаркий июньский день сиял над Дворцовой площадью, когда Анастасия и Алексей, сопровождаемые шаферами и подружками, вышли из-под высоких прохладных

сводов Главного штаба. Только что в военной церкви святого великомученика Георгия Победоносца совершился обряд венчания. В сознании новобрачных еще стояли слова священника, обращенные к ним:

— Раба божия Анастасия, согласна ли взять в мужья раба божьего Алексея?.. — И еле слышное «Да!» в ответ.

— Венчается раб божий Алексей рабе божьей Анастасии! Да прилепится муж к жене своей и будет одна плоть единою. Тайна сия велика есть...

Гармония самой совершенной площади мира открылась перед ними. Небольшая толпа гуляющих собралась у подъездов Главного штаба, возле экипажей, ожидавших свадьбу.

Яркое солнце заставило всех вышедших из затененных коридоров зажмуриться и остановиться на мгновение у подъезда. Толпа раздалась, пропуская молодых и гостей к коляскам.

— Какая красивая пара! — восхитился вслух кто-то из прохожих.

Молодые, а с ними Сухопаров, выступавший шафером, его жена, начинающая полнеть веселая хохотушка, и их младший сын, несший в церкви икону Георгия Победоносца, которой благословили Анастасию и Алексея родители Насти, уместились в первой открытой коляске, запряженной парой белых генштабовских казенных лошадей, с бравым вахмистром в роли кучера.

Второе ландо заняли подруга Насти — Ольга, подполковник Мезенцев, Михаил Сенин и большеголовый, с короткой стрижкой студент Саша, с которым Соколов познакомился на столь памятном ему вечере у Шумаковых, где он встретил Анастасию.

Лошади, настоявшись на солнцепеке, резво повлекли коляски под сень арки Главного штаба, на Морскую улицу, затененную высокими домами. Свернули на Невский, полупустынный по-воскресному. На Полицейском мосту надрывался мальчишка-газетчик, размахивая листами «Нового времени».

— Убийство герцога Фердинанда! Убийство герцога Фердинанда!

Звонкий мальчишеский голос легко перекрывал негромкий шум затихшего в летнем зное проспекта. Все трое военных в колясках насторожились. Соколов приказал остановить подле газетчика, и мальчишка, подбе-

жав к экипажу, бросил ему тугой сверток листов, влажных от типографской краски.

— Еще одну в ландо!.. — приказал Алексей, расплачиваясь.

Полковник повернул газету так, чтобы вместе с Сухопаровым они могли прочитать телеграфное сообщение на первой странице. Оно было выделено жирным шрифтом:

«Сегодня утром в Сараеве выстрелами из револьвера наповал убиты ехавшие в авто наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его супруга графиня Хотек».

— Это война!.. — вырвалось у Алексея.

— Бог даст, обойдется! — прищурился на газету Сухопаров. — Эрцгерцога ведь не очень жалуют в Вене, и войну из-за него, пожалуй, не станут начинать...

Необыкновенно радужное настроение Алексея слегка померкло от неожиданного известия. Заведуя австро-венгерским делопроизводством, полковник в числе немногих военных в России и за ее пределами знал о намерениях австрийцев и их союзников германцев развязать войну на Балканах.

Из агентурных донесений Соколов знал, что эрцгерцог очень желал восстановить союз трех императоров — австрийского, германского и российского, жить в мире и согласии с Россией, утверждая тем самым принцип монархизма в Центральной Европе. Именно поэтому быстрый ум полковника сразу сделал вывод, что если такое препятствие для войны, каким был Франц-Фердинанд, убрано, то скоро заговорят пушки.

Анастасия внутренним чутьем уловила его смятение и погладила мужа по руке.

— Может быть, на этот раз пронесет, милый?.. — полуутвердительно, полувопрошая спросила она.

— Бог даст! Бог даст! — защебетала Зинаида Сухопарова, для надежности перекрестившись.

Безмятежное свадебное настроение было испорчено. Во второй коляске тоже говорили только о новости. Стало заметно сразу, что и прохожие на улице чаще, чем обычно, останавливались подле газетчиков, разворачивали листы и начинали читать прямо на тротуаре. Сонная одурь летнего воскресенья постепенно сменялась атмосферой глухой тревоги.

Экипажи покатили по Невскому, где из конца в конец

разносились одни и те же выкрики разносчиков газет:

— Убийство наследника австрийского престола! Убийство герцога Фердинанда!..

Алексей очень любил Невский. Проезжая по нему даже рядом с Настей, он всегда любовался домами и дворцами, скользил взглядом по толпе и витринам. Сегодня, когда Анастасия стала его женой, Алексей смотрел только на нее и не мог насмотреться. Он понимал, что им скоро предстоит расстаться.

Напрасно он планировал свадебное путешествие в Италию, напрасно испрашивал отпуск и получал паспорта, заказывал билеты, отели в агентстве Кука...

Повернули на Знаменскую, где две недели назад, готовясь к свадьбе и началу новой семейной жизни, полковник снял квартиру в только что отстроенном доходном доме. Колеса экипажей загремели по булыжнику улицы, показался огромный пятиэтажный дом с двенадцатью колоннами по фасаду. Толстый швейцар в галунах распахнул дверь подъезда с хрустальными стеклами, коляска остановилась. Алексей легко спрыгнул на тротуар, откинул ступеньку и чинно подал руку молодой жене. Ему хотелось поднять ее на руках и взбежать единым духом на четвертый этаж, но вместо этого полковник торжественно прошествовал с Анастасией к электрической подъемной машине, впустил в кабину шафера Сухопарова с женой и мальчиком, которому и выпала редкостная удача нажать белую фарфоровую кнопку с цифрой 4. Лифт медленно пополз вверх, щелкая на каждом этаже.

У дверей новой квартиры Соколовых ждали тетушка Алексея, заменившая ему мать, и родители Насти. По обычаю они обсыпали молодоженов овсом.

Молодежь из второй коляски не стала ждать подъемную машину, а в мгновение ока оказалась на четвертом этаже.

Гостиная, куда все устремились, была полупуста и сияла первозданной чистотой. Самым дорогим украшением ее был рояль — свадебный подарок Алексея Анастасии.

Гостей сразу же попросили в столовую, к свадебному столу.

Как положено, говорили тосты и кричали «горько!». Насте было очень весело и радостно от милых лиц людей, собравшихся на ее с Алексеем праздник, и от того,

что тетушка Алексея, которая будет жить с ними, такая славная и добрая старушка, и что ее собственная мать — Василиса Антоновна — наконец, кажется, от души готова полюбить и понять Алексея...

Но сердцем Настя чувствовала тревогу Соколова, видела иногда появляющиеся две поперечные морщинки на его челе, означавшие, как она уже знала, беспокойство и напряжение мысли. Страх и ожидание опасности начинали закрадываться в ее душу.

Вечерняя прохлада сменила наконец дневной зной. Обед подходил к концу. За окнами виднелась панорама крыш, высоко в светлом вечернем небе реяли ласточки. Казалось, мир и покой опустились на землю. Заканчивался день, который должен был стать самым счастливым для Соколовых.

ПЕТЕРБУРГ, ИЮНЬ 1914 ГОДА

В понедельник, на следующий день после покушения на эрцгерцога, Соколов решил явиться к обер-квартирмейстеру генералу Монкевицу, хотя и был в отпуске. Полковник, всегда ревностно относившийся к службе, привыкший отвечать за жизнь сотен и тысяч людей, не мог упиваться личным счастьем, наслаждаться свадебным путешествием в дни, когда, по его мнению, решались судьбы России. Великая империя стояла, по его убеждению, на пороге войны, к которой по-настоящему не была готова. По роду своей работы Соколов знал отрицательные оценки боевой готовности российской армии, даваемые ей противником — Германией и Австрией. Как опытный военный разделял эти оценки. К тому же он уже давно начал приходить к выводу о неповоротливости, ограниченности, бездарности многих из своих высших начальников, которым государственный ум и стратегическое мышление заменяла придворная гибкость позвоночника.

Дома все было хорошо. Согласие и лад царили за первым совместным завтраком новой семьи, никаких признаков мировой катастрофы не ощущалось и в утренних газетах, которые вестовой Иван успел принести как раз к кофе. Алексея насторожили только сообщения из Берлина, в которых говорилось, что высшие руководители германской армии считают положение настолько спокойным, что собираются в отпуск.

«Германские генералы могут уехать от своей армии только в том случае, если полностью готов мобилизационный приказ и дело способно завертеться и без них», — пришло в голову Алексею. Он счел этот признак действительно угрожающим и достойным немедленного обсуждения с Сухопаровым, который замещал его по делопроизводству.

В час пополудни Соколов входил в свой подъезд на Дворцовой площади. Часовые отсалютовали ему, он не торопясь поднялся по мраморной лестнице до площадки, где стоял бюст Петра и на двух мраморных досках пообочь его были выбиты золотом названия славных побед российской армии. На секунду Алексей задержался здесь, окинув взглядом внушительный список, и заспешил на третий этаж, где в бывшем кабинете Данилова восседал теперь новый обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал Николай Августович Монкевиц.

Монкевиц ничуть не удивился, увидев полковника, который уже целую неделю был в отпуске. Он знал, что Соколов — настоящий офицер и в чрезвычайных обстоятельствах никогда не оставит своих обязанностей. Генерал был рад видеть главу своего австро-венгерского производства, чтобы почерпнуть у него детали об отношениях внутри венского двора для оживления доклада на высочайшее имя об убийстве эрцгерцога, который ему поручил подготовить начальник Генерального штаба Янушкевич.

— Ваше превосходительство! — обратился Соколов к генералу после взаимных приветствий. — Каковы виды на войну у Сергея Дмитриевича?

Полковник знал о тесной дружбе генерала с министром иностранных дел Сазоновым и о том, что министр обо всех европейских делах непременно советуется с Монкевицем.

— Его высокопревосходительство Сергей Дмитрич стоит на том, что война на этот раз почти неизбежна... — потер свои седины генерал. — Наши союзники в Париже, как сообщает посол Извольский, весьма и весьма настроены воевать! Если они начнут самостоятельно, мы неизбежно примкнем к ним в силу союзнической конвенции.

— Но успеет ли получить наша агентура в Срединных державах сигнал о необходимости перехода на вариант работы по военному времени? — озабоченно спросил пол-

ковник, который давно уже, с времен балканских войн, ждал, что Франция будет втягивать Россию в большую европейскую войну с Германией.

— Сомневаюсь... — раздумчиво протянул Монкевиц.

— Но ведь это может грозить им арестами и расстрелами, если мы заранее не обусловим связь с агентами, когда прямые почтовые отношения между нами будут прерваны фронтами военных действий, — забеспокоился Алексей. Он живо представил себе чешскую группу — Стечишина, Гавличека, Младу, их друзей и помощников.

— В нынешних условиях я не могу приказывать вам прервать отпуск! — с нажимом вымолвил генерал. — Неизвестна окончательная позиция его величества. Может быть, государь еще сумеет уладить миром вспышку конфликта на Балканах...

— Стало быть, есть еще надежда? — обрадовался было полковник.

— Сазонов говорит, что очень мало... — Монкевиц отвел свои косые глаза в сторону и забарабанил по зеленому сукну стола кончиками пальцев. Он явно задумался о чем-то своем, неслужебном. За окном белесое небо источало на Петербург жар.

Соколов размышлял. По мере того как он все более убеждался из разговора с осведомленным генералом, что война почти неизбежна, тревога за Гавличека, Филимона и Младу все больше охватывала его. Инструкции на случай чрезвычайных обстоятельств были направлены группе уже давно — накануне первой Балканской войны. Прошло почти два года, какое-то из звеньев могло устареть и поставить под удар всю организацию.

«Надо ехать самому! — напрашивалось решение. — А это значит, что Настя останется в одиночестве бог знает на сколько недель, а может быть, и месяцев...» И это теперь, когда так счастливо началась их совместная жизнь...

Голос сердца подсказывал один за другим аргументы против поездки, но голос разума коротко и весомо сделал вывод: могут погибнуть замечательные люди, братья. Надо ехать!

Соколов решительно вторгся в отрешенное молчание генерала.

— Ваше превосходительство! — официально обратился он к своему начальнику. — Прошу отдать приказ о прекращении моего увольнения в отпуск, а также срочно

подготовить необходимые документы для поездки в Прагу и Вену...

Монкевиц встрепенулся.

— С богом! Я знал, что ты решишь именно так... — повернулся к Соколову генерал. — Когда думаешь отъезжать?

— Послезавтра с «Норд-экспрессом» в Берлин, затем в Лейпциг, откуда через Швейцарию достигну Австрии... На пути через Германию надеюсь провести рекогносцировку германской мобилизации: если приказ уже отдан, то немцы будут удлинять посадочные платформы, готовя их для войск и тому подобное, что спрятать никак нельзя.

— Алексей Алексеевич! — вздохнул Монкевиц. — Большая надежда на тебя. Не подведи, голубчик!

...В полном смятении чувств подъезжал Алексей к своему дому. Его ждала самая прекрасная женщина мира — его жена, а он везет ей известие о своем спешном отъезде! Как объяснить Насте невозможность ехать вместе, как сообщить ей о полной неопределенности сроков возвращения? Как, наконец, устроить ее жизнь на то время, пока он будет в отсутствии? Эти и десятки других вопросов терзали Соколова до тех пор, пока он не поднялся к себе в квартиру.

Настя встретила его в прихожей. Она, наверное, выглядывала из окна, ожидая его, догадался Алексей. По виду мужа Анастасия все поняла и решила быть ему поддержкой и опорой.

— Милый, наша поездка откладывается? — стараясь быть как можно спокойней, спросила Настя.

Алексей молча кивнул головой. Настя подошла и обняла его.

Они простояли так несколько минут, и Алексей никак не мог начать свое печальное сообщение.

— Тебе очень плохо? — спросила Настя.

— Да, очень! — вздохнул он. — Я должен послезавтра уехать...

— Надолго? — словно выдохнула Анастасия, и у нее внутри все оборвалось. Но тут же она вновь взяла себя в руки и усилием воли подавила чувство паники, готовое разгореться.

— Вероятно, да!

— Поездка для тебя опасна? — подняла Настя на Алексея глаза, полные слез. Он решил слукавить.

— Что ты, родная! Это вроде поездки на воды, когда болен: скучно, глотаешь какую-то гадость и ждешь не дождешься отхода обратного поезда...

Глаза Насти почти просохли, он поцеловал их и ощутил на губах солоноватый вкус ее слез.

— Начнем готовиться к твоему путешествию, — поддержала Настя его нарочито веселый тон и повлекла мужа в гостиную, чтобы составить список вещей, которые он должен взять в дорогу.

Две ночи, остающиеся до среды, когда отбывал его «Норд-экспресс», Соколов не сомкнул глаз. Виною был совсем не полуночный свет, разлитый в природе. Слились воедино заботы о Насте, волнение о предстоящей сложной операции, предчувствие огромных событий, надвигающихся на Европу...

Когда, сморенная сном, его жена засыпала, разметав на подушке густые и длинные волосы, Алексей без сна лежал часами, боясь пошевелиться и разбудить Настю. Он любовался еще полудетскими чертами ее красивого рта, чуть заметно вздернутого носа, темными бровями и густыми длинными ресницами, нежным овалом нарумяненного сном родного и близкого лица.

Алексей смотрел и не мог насмотреться впрок. Иногда ему приходили мысли о том, что еще можно отменить всю поездку, как-нибудь списаться со Стечишиным и Гавличеком, передать им уточненные инструкции через кого-нибудь из консульских или посольских чинов. Но он стыдил себя после таких мгновений слабости, представлял, как австрийская контрразведка идет по следу его друзей и соратников. Всякое желание отсидеться в тепле и уюте своего гнезда мгновенно пропадало...

В среду в 6 часов вечера «Норд-экспресс» уносил от Варшавского вокзала полковника Соколова. В глазах Насти, без сил оставшейся стоять на дебаркадере, сквозь слезы расплывались контуры исчезающих вагонов.

Продолжение следует